

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

И. М. ТРОНСКИЙ

ОБЩЕ
ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ
ЯЗЫКОВОЕ
СОСТОЯНИЕ

(ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ)

593177

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград, 1967

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

акад. *В. М. ЖИРМУНСКОГО* (ответственный редактор)

проф. *М. М. ГУХМАН*, проф. *С. Д. КАЦНЕЛЬСОНА*

ВВЕДЕНИЕ

Задача настоящей книги — проверка основных линий реконструкции общеиндоевропейского языкового состояния в свете новых материалов лингвистического исследования.

Проблема реконструкции индоевропейского праязыка была выдвинута впервые А. Шлейхером как центральная задача сравнительно-исторического исследования в области индоевропейских языков; обоснованное научное решение ей дали только младограмматики. Действительно, до провозглашения принципа незыблемости звуковых законов всякая праязыковая реконструкция неизбежно оставалась субъективной. Младограмматики реконструировали общеиндоевропейский звуковой состав, исходя из того принципа, что каждая независимая формула соответствий между отдельными ветвями индоевропейских языков отражает некую звуковую единицу праязыка. На базе фонетической реконструкции воздвигалась реконструкция более высокого уровня — морфологическая.

Реконструкция всегда принимает — так или иначе — форму некоего «родословного древа». От общеиндоевропейского языкового состояния переходят к общему прошлому отдельных ветвей — общегреческому, общеславянскому, общегерманскому состоянию и т. д., а затем к отдельным языкам или диалектам.

Созданная Шлейхером теория «родословного древа» индоевропейских языков уже давно подверглась сокрушительной критике. Распространяется ли эта критика на «родословное древо» как форму реконструкции?

История науки показывает, что те гипотезы, которые выдвигались взамен теории Шлейхера, не «работают». В первую очередь это относится к теории «волн», предложенной И. Шмидтом.¹ Автор теории не использовал

¹ J. Schmidt. D. Verwandtschaftsverhältnisse d. indogermanischen Sprachen. Weimar, 1872. — Критику этой теории см.

ее даже в своей собственной исследовательской практике.

Из современных языковедов чаще всего высказывается о порочности теории «родословного древа» итальянский ученый В. Пизани.² Однако, если мы обратимся к книгам Пизани по сравнительной грамматике индоевропейских языков, например к его «*Glottologia indeuropea*» (Torino, 1949), мы найдем реконструкцию, мало чем отличающуюся от обычной, лишь со спорадическими указаниями на возможность диалектного разнообразия внутри индоевропейского состояния. Пизани исходит из предположения о большом разнообразии диалектов, находившихся между собой в контакте в общеиндоевропейский период, но факты, отраженные в позднейших ветвях, не дают этой картины разнообразия, которую исследователь теоретически постулирует. Пизани вынужден предположить, что наряду с многообразными диалектами обыденной жизни существовал еще некий сакральный язык, поддерживавшийся на всем ареале индоевропейской речи особой кастой жрецов. Сакральный язык, близкий к ведическому санскриту, и явился будто бы источником того языкового единства, которое мы находим отраженным в дальнейшей истории индоевропейских языков. Это предположение еще более антиисторично, чем представление о «родословном древе».

Так, единство фонетического и грамматического строя индоевропейских языков обнаруживает себя даже через ряд тысячелетий после утраты непосредственного контакта между предками носителей отдельных ветвей. Предки же говорили на столь близких между собой диалектах, что их различия часто неуловимы для нас и уже не попадают в поле зрения исследователя, занимающегося реконструкцией общеиндоевропейского языкового состояния.

Конечно, реконструкция обедняет реальное многообразие явлений в жестких формулах, не дает возможности уловить ареальные и хронологические различия, подчас

в кн.: А. В. Д е с н и ц к а я. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.—Л., 1955, стр. 155—164.

² Статьи Пизани по этому вопросу удобно собраны в сборнике его работ «*Saggi di linguistica storica*» (Torino, 1959); ср. в настоящее время его статью «К индоевропейской проблеме» (Вопр. языкозн., 1966, № 4, стр. 3—21).

объединяет, вероятно, явления несинхронного порядка, но она представляет в обобщенном виде то единство, в котором обнаруживается причастность диалектов к одной доминирующей языковой системе. Связующие моменты этой системы сохранялись и при дроблении языков, и при их интеграции, и при параллельном развитии, законы которого обычно бывают сходны в генетически родственных системах.

Если бы этого единства не было, реконструкция была бы невозможной, сравнение не указывало бы на столь немногие точки расхождения, которые обнаруживаются при компаративном анализе. История науки показывает, что реконструкция общеиндоевропейского состояния возможна, хотя и допускает в отдельных случаях многозначные решения, свидетельствующие о диалектном разнообразии, и что эта реконструкция бросает яркий свет на дальнейшую историю индоевропейских языков.

Таким образом, критику, направленную на форму «родословного древа», нельзя признать продуктивной. Значение ее только предостерегающее, напоминающее об условном и обобщенном характере реконструкции, не позволяющем делать непосредственных выводов об историческом соотношении языков, а еще менее — об исторических судьбах их носителей.

Более серьезным недостатком младограмматической реконструкции был ее плоскостный характер.

История (или доистория) индоевропейских языков начиналась с условного, никогда не существовавшего в действительности момента «распадения» праязыкового единства. Все предшествовавшее объявлялось недоступным исследованию средствами сравнительно-исторического метода, выходящим за пределы серьезного изучения. Действительно, сравнительно-исторический метод сам по себе доводил только до «архетипа», до того пункта, с которого начинались расхождения по отдельным ветвям. Для того чтобы пойти дальше, надо было оперировать другими методами — методом пережитков, методом системной реконструкции, образцы для которых были выработаны на неязыковом материале, например в области доисторической этнографии. Эти методы надлежало применять к материалам уже не исторических языков, а к данным, доставленным той реконструкцией, которая была произведена путем сравнения. Младограмматики этого не де-

дали, или если делали, то в порядке субъективных и недостаточно обоснованных предположений (Г. Гирт).

Работа в этом направлении предпринималась с разных точек зрения. Некоторые ученые высказывали мысль о том, что позади родства индоевропейских языков лежит еще более древнее родство индоевропейской семьи с другими — семито-хамитической или урало-алтайской. Сторонники этих гипотез выходили, разумеется, за пределы праиндоевропейского языка эпохи «распадения», но их предположения до сих пор еще не привели к сколько-нибудь бесспорным результатам.

Другие попытки, во многом продуктивные, исходили от французской школы, А. Мейе и его учеников, главным образом Э. Бенвениста и Ю. Куриловича. Исследования двух последних авторов опирались при этом на материалы новооткрытых языков — тохарского и главным образом хеттского.

Новые факты, открывшиеся языковедам при освоении материалов хеттского языка, производили большое впечатление, так как это древнейшие тексты на индоевропейском языке, древнее и Гомера, и Вед. С другой стороны, хеттский язык оказался необычным на фоне других индоевропейских языков, в значительной мере креолизированным, сохранившим несомненные архаизмы, но вместе с тем и носителем столь же несомненных новообразований.

Младограмматическая реконструкция исходила из предположения, что древний индоевропейский тип лучше всего сохранен в древнеиндийском и греческом с их сложными морфологическими системами. Хеттский являет другую картину. У него гораздо менее сложная морфология и применяются аналитические способы образования форм, как в новых европейских языках.

Встал вопрос — и он является одним из самых важных на современном этапе развития сравнительного изучения индоевропейских языков, надлежит ли сохранять ориентированность реконструкции на «классические» древние языки (греческий и санскрит) или перестроить ее, исходя из хеттского и из ветвей, имеющих сравнительно несложную морфологическую структуру, например из германских. В первом случае старая реконструкция сохранится в основных линиях и будет нуждаться только в поправках, касающихся подробностей. Во втором случае она изменится радикально.

С другой стороны, современное состояние лингвистической науки требует учета новых ее достижений, которые были еще неизвестны младограмматикам. К числу их принадлежит в первую очередь фонология. Звуковой строй восстанавливаемого общеиндоевропейского состояния должен контролироваться данными фонологической типологии. Морфологическая реконструкция, будучи направлена вглубь, в более отдаленное прошлое, смыкается с проблемой развития грамматических категорий и не может отрываться от истории мышления. Также и здесь встанет вопрос, сохранятся ли при уходе исследования в большую глубь основные линии морфологической реконструкции, проведенной младограмматиками для эпохи «распадения» праязыка. Другими словами, остается ли в силе — с поправками, конечно, — младограмматическая картина позднего индоевропейского языка, или она нуждается в коренной переработке при новых установках исследования.

---

1. РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗВУКОВОГО СТРОЯ

Ларингальная теория

Ларингальная теория имела весьма своеобразную судьбу, и этапы ее развития неоднократно излагались.³ Это не очень частый в истории языкознания случай, когда гипотеза, дедуктивно выведенная на основе последовательного анализа системных соотношений языка, мало кем принятая и полузабытая, получает полвека спустя неожиданное подтверждение в новооткрытом языковом материале.

Ларингальная гипотеза восходит ко времени коренного пересмотра представлений о древнейшей индоевропейской звуковой системе, который имел место в 70-е годы прошлого столетия. По мере того как росло убеждение в закономерности звуковых изменений, становилось все яснее, что постоянные звуковые соответствия между индоевропейскими языками в ряде случаев восходят к звуковым архетипам, не сохранившимся в исторически известных языках. В разработке новой реконструкции праиндоевропейской фонетики приняли участие многие исследо-

---

³ Подробнее всего в кн.: E. H. Sturtevant. *The Indo-Hittite Laryngeals*. Baltimore, 1942. — Позднейшая история вопроса в статьях: E. Polomé. *Zum heutigen Stand d. Laryngaltheorie*. *Revue Belge de philologie et d'histoire*, t. 30, 1952, стр. 444—470, 1041—1052; Z. Zgusta. *La théorie laryngale*. *Archiv Orientalní*, v. 19, 1951, стр. 428—472; K. Ammer. *Studien zur Laryngaltheorie*. *Wissenschaftliche Zeitschrift d. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Gesellschafts.-u. Sprachwiss. Reihe*, Jg. VII, 1957/58, H. 1, стр. 125—136; Б. В. Горнунг. Ларингальная гипотеза. В кн.: *Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков*. М., 1956, стр. 155—158; Э. А. Макаев. Ларингальная теория и вопросы сравнительной грамматики индоевропейских языков. *Тр. Инст. языкозн. АН ГрузССР, сер. вост. яз.*, т. 2, Тбилиси, 1957, стр. 55—71.

ватели, но одно из наиболее видных мест в этом движении принадлежит Ф. Де-Соссюру (1857—1913).

Посмертной славой Де-Соссюр обязан главным образом своему «Курсу общей лингвистики» (1916), в котором он выступил как теоретик синхронного языкознания, направленного на изучение языковых систем. Это стремление — попятить язык как целостную систему — проходит через всю научную биографию исследователя. Самый крупный из изданных при его жизни трудов, который он выпустил в свет, будучи еще студентом, «Мемуар о первичной системе гласных в индоевропейских языках»,⁴ тоже был направлен на изучение системы, но в качестве предмета был выбран индоевропейский праязык. Сравнительно-исторический метод давал только материал для исследования, целью которого было познание закономерностей системного характера. Из противоречий системы делались исторические выводы.

При оценке «Мемуара» необходимо иметь в виду, что во время его написания еще господствовало, хотя и начало подвергаться критике, представление о первичности индоиранского вокализма *a*, *i*, *u* и о «расщеплении» *a* в северно-европейских языках (кельтском, германском и балтославянском) на *e* и *a* (или *o*), равно как и дальнейшем «расщеплении» этого последнего *a* (или *o*) на *a* и *o*. Условия этих «расщеплений», причины, по которым в одних случаях возникает *e*, а в других сохраняется *a* и т. д., оставались загадкой. Для того чтобы найти в этих соотношениях момент закономерности, необходимо было брать южноевропейское состояние максимального многообразия за исходное и рассматривать северноевропейскую и индоиранскую системы как редукции. На эту точку зрения и становится автор «Мемуара» (стр. 115), и притом более решительно и последовательно, чем те его предшественники (А. Амелунг, К. Бругман), мысль которых работала в том же направлении. Но основная заслуга «Мемуара» Де-Соссюра — в разработке теории индоевропейских сонантов, способных в зависимости от позиционных условий выступать в слогаобразующей и неслогаобразующей функции. Вокализм индоевропейского корня может быть обра-

⁴ F. De Saussure. Memoire sur le systeme primitif des voyelles dans les langues indo-europeennes. Leipzig, 1879 (вышло в 1878) — Recueil des publications scientifiques. Lausanne, 1921, стр. 1—268 (в дальнейшем цитируется по «Recueil. . .»).

зован одним гласным, но очень часто состоит из гласного, сопровождающегося сонантом *i, u, r, l, m, n*, сонантическим коэффициентом, по терминологии Де-Соссюра. Как известно, индоевропейский корень способен выступать в полном виде (полная ступень) и сокращенно, с выпадением корневого гласного (слабая ступень): греч. $\pi\acute{\epsilon}\tau\text{-}\sigma\text{-}\mu\alpha\iota\text{-}\dot{\iota}\text{-}\pi\tau\text{-}\acute{\sigma}\text{-}\mu\eta\gamma$. Если корневой гласный имеет при себе сонантический коэффициент, образующий вместе с ним дифтонг, то выпадение гласного сопровождается вокализацией сонанта: греч. $\pi\epsilon\acute{\iota}\theta\text{-}\omega\text{-}\acute{\epsilon}\text{-}\pi\acute{\iota}\theta\text{-}\acute{\sigma}\text{-}\mu\eta\gamma$, лат. *deic-ō* ($\gg$ *dīc-ō*)—*dīc-tus* и т. д. Соотношение группы «гласный+сонантический коэффициент» на полной ступени корня с вокализованным сонантом на слабой ступени становится моделью для новой остроумной гипотезы. Известно было, что в условиях, когда краткий корневой гласный исчезает, а дифтонг заменяется слоговым сонантом, корни, содержащие долгий гласный, являют некий краткий гласный, неодинаковый в разных языках: в индоиранских языках *i*, в латинском *a*, в греческом чаще всего *α*, но возможны *ε* и *ο* и т. д.: лат. *se-cī*—*fā c-tus*; д.-п. *dā-dhā-mi*—*dhi-tāh*; греч. $\tau\acute{\iota}\text{-}\theta\eta\text{-}\mu\iota\text{-}\dot{\iota}\text{-}\theta\epsilon\text{-}\tau\acute{\omicron}\varsigma$, $\tau\rho\omega\gamma\text{-}\omega\text{-}\acute{\epsilon}\text{-}\tau\rho\alpha\gamma\text{-}\sigma\text{-}\nu$. Это соответствие гласных на слабой ступени впоследствии определялось как отражение особого гласного неопределенного тембра, названного «индоевропейским шва» (термин принадлежит А. Фику). Де-Соссюр, однако, усматривал здесь не гласный, а, наподобие слабой ступени дифтонгов, опять-таки вокализацию сонантических коэффициентов. Он находил возможным приписать индоевропейскому праязыку лишь два гласных звука: a_1 (в современной нотации *e), основной гласный звук всех корней, с которым иногда чередуется в неизвестных условиях a_2 (по-современному *o). В тех же случаях, когда южно-европейские языки обнаруживают гласный *a* или гласный *o*, не чередующийся с *e*, и гласные эти не восходят к носовому или плавному сонанту, он видел отражение особых вокализованных сонантов. Соответственно устанавливаются, помимо перечисленных выше сонантов, еще два коэффициента, один из которых при вокализации дает тембр *a*, а другой *o*; соответственно они получают знаки *A* и *o*. Никаких предположений по поводу фонетической природы этих звуков автор не высказывает.

Таким образом, долгие гласные индоевропейских корней восходят к сочетанию краткого корневого гласного

главным образом с сонантическими коэффициентами. Они сходны с дифтонгами, и этим объясняется, что на сокращенной ступени корня, когда корневой гласный исчезает, их место заступает вокализованный сонант. Характером сонанта обусловлена тембровая характеристика долгого гласного.

Особый интерес представляет группа «сонант+А». Если сонанту предшествует гласный и сонант, таким образом, является неслоговым, например *genA-, А выпадает перед гласным и вокализуется перед согласным; когда же сонант следует за согласным и в положении между согласным и А становится слоговым, например *gnA-, возникает долгий слоговой сонант (в нашем примере *gñ-). Таким путем создаются *i, ū, m, n, r, l*. Индоевропейские долгие плавные и носовые сонанты были впервые открыты Де-Соссюром в «Мемуаре». Он установил условия их возникновения и отражения в отдельных языках.

Действительно, долгие слоговые сонанты с их отражениями показывают, что элемент, названный Де-Соссюром А, должен рассматриваться как согласный. Если бы речь шла о гласном, впоследствии получившем обозначение *ə*, слабой ступенью корня тина *pelə-, *pleə- > plē- было бы *plə-, так что сочетание с суффиксом -no- создавало бы формы д.-и. *prinā, гот. *flans и т. п.; в действительности мы имеем д. и. pūrūā, гот. fulls и т. д., восходящее к *pñnós, которое предполагает сочетание сонанта *l* не с гласным, а с согласным.

В своей дальнейшей научной деятельности Де-Соссюр только один раз вернулся к вопросу о сонантических коэффициентах — в докладе о древнеиндийских глухих придыхательных, прочитанном в 1891 г. в Парижском лингвистическом обществе и известном лишь по краткому протоколу, напечатанному в «Бюллетене» общества.⁵ Исследователь объяснял возникновение некоторых *th* в санскрите сочетанием и.-е. *t со шва, элидирующимся перед гласным: д.-и. pṛthūh < *pṛt'ūs, где *pṛt'- < *pṛtə- после выпадения корневого -e-. Термина «сонантический

⁵ F. De S a u s s u r e. Recueil. . ., стр. 603. — В более поздней статье (Sur les composés latins du type *agricola* (Mélanges Havet, 1909)=Recueil. . ., стр. 585—594) Де-Соссюр рассматривает корни на шва как двусложные, считая шва гласным (он предлагает для него вместо *ə* знак *o*).

коэффициент» в протоколе нет, и автор пользуется обозначением ε , которое стало уже общепринятым. Однако речь идет не о гласном шва, а о сонанте (прежнем A), элидирующемся перед гласным, но придающим предшествующему t характер глухой аспираты.

Начинавшее в 80-е гг. господствовать младограмматическое направление приняло далеко не все положения Де-Соссюра. Младограмматикам, с их тенденцией к изолированному рассмотрению единичных процессов языкового развития, изложение «Мемуара» показалось слишком «системным» и искусственным. Ведущие деятели новой школы — Г. Остгоф и К. Бругман — приняли, правда, установленные Де-Соссюром долгие слоговые сонанты, но отвергли его сонантические коэффициенты.⁶ В системе К. Бругмана остался только тот определяемый соответствием греко-италийского a и индоиранского i звук, который Де-Соссюр считал слоговым вариантом A , но вошел не как сонант, а как краткий гласный неопределенного тембра, «шва». Вопросы о происхождении долгих гласных младограмматики не ставили. Они не шли дальше сравнительно-исторической реконструкции общеиндоевропейского языкового состояния в эпоху «распадения» праязыка и не считали возможным даже высказывать предположения о процессах, которые к этому состоянию привели.

Отвергнутая преобладающим большинством лингвистов гипотеза Де-Соссюра о сонантических коэффициентах получила дальнейшее развитие у тех немногих исследователей, которые считали индоевропейскую языковую семью генетически родственной другим семьям — семито-хамитической или урало-алтайской — и стремились реконструировать гораздо более отдаленные праязыки, чем индоевропейский, например праиндоевропейско-семитохамитический. Датский германист Г. Меллер, разрабатывавший в течение ряда десятилетий вопросы родства индоевропейских языков с семитическими, немедленно по выходе в свет «Мемуара» высказался положительно об идее сонан-

---

⁶ Правда, в концепции сонантических коэффициентов были неясности. Де-Соссюр не мог объяснить (стр. 135—136), в каких условиях из сочетания $a_1 + A$ получаются два разных результата — $\bar{e}$ и $\bar{a}$. Неблагополучно было и с рефlekсами A : рядом с соответствием греч. α , лат. a , д.-и. i (πατήρ, *pater*, *pitá*) имелось другое — греч. α , лат. a , д.-и. a (ἄγω, *ago*, *ájati*),

тических коэффициентов, но указал, что последовательнее было бы принять три таких элемента вместо двух.⁷ В дальнейших работах⁸ Меллер выдвинул предположение о родстве сонантических коэффициентов, относительно фонетической природы которых Де-Соссюр не высказывался, с семитическими ларингалами. Исходя из господствовавших в то время представлений о моновокаличности прото-семитической звуковой системы, он приписал моновокалический строй также и общему предку семитических и индоевропейских языков: единственный гласный приближался по фонетическому типу к *e*. В языке этом, как и семитических языках исторического времени, корень был чисто консонантным и слово начиналось всегда с согласного звука. Между тем для общеиндоевропейского Меллер принимал уже три гласные *e, *a, *o — краткие и долгие; *a и *o (не чередующееся с *e) имелись на полной ступени корня, а не только на редуцированной, и корень мог начинаться на полной ступени с гласного: *es-, *ag-, *od- и т. п. При моновокалическом истоке это многообразие обязано своим возникновением действию ларингальных, которые уже не только удлиняют предшествующий гласный, но и могут находиться перед гласным, особенно в начале слова, и придавать последующему гласному тембр *a* или *o*. Гласное начало слова связано с потерей ларингалов. Все эти процессы происходили, по мнению Меллера, на путях развития от праиндоевропейско-семитического к праиндоевропейскому.

Для праиндоевропейско-семитохамитического Меллер устанавливал по крайней мере пять ларингальных звуков.

В теории Меллера концепция сонантических коэффициентов, созданная Де-Соссюром, выступит в радикально преобразованном виде. Коэффициенты обрели фонетическую природу и стали ларингалами; отныне может уже идти речь о ларингальной теории. К воздействию ларингала на предшествующий гласный, количественному и качественному, и вокализации на слабой

---

⁷ Englische Studien, Bd. III. 1878, стр. 150, прим. 1 (в рец. на: F. Kluge. Beiträge zur Geschichte der Germanischen Conjugation. Strassburg, 1878).

⁸ Полнее всего в кн.: H. M ö l l e r. D. semitischindogermanischen laryngalen Konsonanten. Mémoire de l'Académie Royale des Sciences et des Lettres de Danemark, 7 ser., t. IV, № 1, København, 1917.

ступени корня присоединилось качественное воздействие на последующий единственный гласный. Однако моновокалическая гипотеза или предположение об обязательности согласного начала слова не вытекали из данных сравнительной индоевропейской морфологии. Она держалась на представлении об общем праязыке для индоевропейского и семитического и вместе с ним падала.

За Меллером почти никто не последовал. В пользу того или иного варианта ларингальной теории раздавались лишь единичные голоса.⁹

Новый этап ее развития наступил в 1927 г., когда Ю. Курилович выступил с утверждением, что хеттское *h* является отражением постулированного Де-Соссюром согласного шва.¹⁰ Концепция, основанная у своего первого автора на дедуктивных соображениях системного характера, а у Меллера покоившаяся на весьма спорной теории родства семитических языков с индоевропейскими, вдруг оказалась в соответствии с реальными фактами новооткрытого индоевропейского языка. При этом подтвердились (хотя бы частично) предположения обоих основоположников ларингальной теории. Если хет. *paḥš-* 'хранить' связывалось с и.-е. корнем **pā-*, **pō-* 'хранить', 'питать' (лат. *pāscō*, *pābulum*, греч. *πῶω*, д.-и. *pāti*) и оправдывало предположенное Де-Соссюром возведение долгих гласных к сочетанию кратких с сонантическим коэффициентом, то корневое соответствие хет. *harkiš* 'белый', д.-и. *arjuna-*, греч. *ἄργος*, *ἄργυρος*, лат. *argentum* подтверждало положение Меллера о начальном ларингале там, где в прежде известных индоевропейских языках корень начинался с гласного. Курилович посвятил этому ряд статей, вызвавших оживленные отклики, а затем подробно изложил свои взгляды в книге «*Études indoeuropéennes*»,

---

⁹ Например: А. С u n y. Notes de phonétique historique, indoeuropéenne et sémitique. Revue de phonétique, t. 2, 1912, стр. 101—132; Н. P e d e r s e n. Vergleichende Grammatik d. keltischen Sprachen, Bd. 1. Göttingen, 1909, стр. 177—181 (и в других работах); К. O š t i r. Zum Verhältnis d. indogermanischen *x*-Lautes zu d. semitischen Kehlkopf-Lauten. Anthropos, Bd. 8, 1913, стр. 165—180.

¹⁰ J. K u r y ł o w i c z. *a* indoeuropéen et *h* hittite. Symbolae Grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski, I. Kraków, 1927, стр. 95—104. — Любопытно, что одновременно с Ю. Куриловичем, в том же сборнике, А. Кюни мимоходом обронил замечание (стр. 94), содержащее то же открытие.

которая и дает наилучшее представление о форме, приданной им ларингальной теории в начале 30-х годов.¹¹

Согласно Куриловичу, каждый исконный долгий гласный, т. е. не происходящий от удлинения или из слияния двух гласных, есть результат слияния краткого гласного с одним из трех элементов $\varrho_1, \varrho_2, \varrho_3$: $e + \varrho_1 > \bar{e}$; $e + \varrho_2 > \bar{a}$; $e + \varrho_3 > \bar{o}$; o (чередующееся с e) $+ \varrho_1 > \bar{o}$. Это слияние (точнее — компенсаторный процесс при выпадении ϱ) имеет место в положении элемента ϱ между гласным и согласным. Так называемый гласный $\bar{a}$ (европ. $a =$ и.-и. i) есть редуцированный краткий гласный e , сохранившийся после исчезновения согласного ϱ в группе ϱ , как редукция ϱe (а не $e\varrho$, как думал Де-Соссюр). Далее всякое индоевропейское слово, начинающееся с гласного, утратило начальший элемент ϱ , характер которого уточняется на основании тембра сохранившегося гласного: $e < \varrho_1 e$; $a < \varrho_2 e$; исконное (а не чередующееся с e) $o < \varrho_3 e$. Возможны и корни с начальными согласными, восходящие к группе $\bar{a} +$ согласный. Такие группы упростились в результате исчезновения ϱ во всех языках, кроме греческого и армянского, где отражением начального ларингала перед согласным являются так называемые протетические гласные перед сонантами. В хеттских словах индоевропейского происхождения h продолжает ϱ_2 . Имеются, однако, индоевропейские слова с вокализмом $\bar{a}$, хеттские соответствия которым лишены h . Это заставляет предположить еще один элемент ϱ_4 , придающий гласному тембр a , наравне с ϱ_2 , но утраченный во всех исторических языках, включая хеттский.

О фонетической природе предполагаемых согласных элементов Курилович не высказывается, приписывая своим выводам только фонологическое значение.

В этой подробно разработанной концепции недостаточно обоснована гипотеза о четырех ларингалах. На вопрос Э. Стёртеванта, нет ли здесь стремления не признавать в праязыке никаких гласных, кроме e , Курилович в цитируемой выше работе (стр. 72) ответил, что «сравнительной грамматике, несмотря на постоянные попытки, никогда не удастся устранить из праязыка все гласные, отличные от e ». Однако, признавая триаду индоевропей-

¹¹ J. Kuryłowicz. Etudes indoeuropéennes, I. Kraków, 1935.

ских кратких гласных, можно легко обойтись одним ларингалом и заменить формулы Куриловича на $e\grave{a} > e$, $a\grave{z} > a$, $o\grave{a} > \bar{o}$. Хеттский материал также не требует множественности ларингалов, как это показали работы советских хеттологов В. В. Иванова и Т. В. Гамкрелидзе.¹² Они же привели ряд серьезных доводов в пользу фонетической характеристики индоевропейского «ларингала» как фарингального спиранта; в хеттском языке индоевропейский фарингальный был заменен заднеязычным спирантом *h*, характерным для малоазийской языковой среды.

С точки зрения дистинктивно-семантической мощности языка безразлично, возводится ли индоевропейский вокализм к сочетанию трех ларингалов с одним гласным, или трех гласных с одним ларингалом. Однако нельзя не признать, что при гипотезе трех гласных их дистрибуция и роль в морфологической системе оказывается весьма неравномерной и прихотливо дифференцированной, в то время как три ларингала гораздо легче укладываются в систему согласных и на равных правах с ними образуют сочетания с единственным гласным. Реконструкция состояния с тремя ларингальными несравненно монолитнее и гармоничнее, чем картина, которая получилась бы при одном ларингальном. Это показала теория индоевропейского корня, предложенная Э. Бенвенистом.¹³

По вопросу о количестве ларингалов высказывались разные мнения. Г. Педерсен¹⁴ и его ученик Г. Гендриксен¹⁵ оперировали двумя ларингалами H_1 и H_2 . Другой

---

¹² В. В. И в а н о в. 1) Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры. Автореф. дисс., М., 1955; 2) Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии. Вестн. МГУ, ист.-фил. сер., 1957, № 2, стр. 23—46; Т. В. Г а м к р е л и д з е. Хеттский язык и ларингальная теория. Тр. Инст. языкозн. АН ГрузССР, сер. вост. яз., т. 3, 1960, стр. 17—91.

¹³ E. B e n v e n i s t e. Origines de la formation des noms en Indoeuropéen. Paris, 1935 (русск. перевод: Индоевропейское именное словообразование, М., 1955).

¹⁴ H. P e d e r s e n. Hittitisch u. d. anderen indoeuropäischen Sprachen. København, 1938 (Det k. Danske Videnskabernes Selskab, Hist.-fil. Medd., XXV, 2), стр. 179—190.

¹⁵ H. H e n d r i k s e n. Untersuchungen über d. Bedeutung d. Hethitischen für d. Laryngaltheorie. København, 1941 (Det k. Danske Videnskabernes Selskab, Hist.-fil. Medd., XXVIII, 2).

представитель той же датской школы Л. Гаммерих¹⁶ признавал только один индоевропейский ларингал. На иную точку зрения стала довольно многочисленная группа американских авторов. Э. Сепир,¹⁷ Э. Стёртевант,¹⁸ В. Леман¹⁹ и ряд других языковедов исходили из системы четырех ларингалов, совпадающих в основном с ларингалами Ю. Куриловича.

В 50—60-х годах обнаружилось три основные тенденции дальнейшего развития ларингальной теории. Во-первых, учение о ларингалах все глубже внедрялось в понимание праязыковой системы также и с морфонологической точки зрения. Ряд исследований был посвящен функции ларингала на отдельных участках морфонологической системы.²⁰

Второе направление связано было со все крепнущим убеждением ряда исследователей в том, что падение ларингалов относится к более позднему времени, чем индоевропейское.

Отсюда тенденция не ограничивать поиски рефлекса ларингальных общеиндоевропейскими явлениями, а распространить их на процессы, специфичные для отдельных ветвей, и не только на самых ранних этапах их развития (это делал еще Курилович), но и на более поздних. Сама по себе эта тенденция не может вызывать возражений, но при этом возникал соблазн сделать ларингалы ответственными за все трудные и неразрешенные вопросы

---

¹⁶ L. L. H a m m e r i c h. Laryngeal before Sonant. København, 1948 (Det k. Danske Vedenkabernes Selskab, Hist.-fil. Medd., XXXI, 3).

¹⁷ E. S a p i r. 1) Glottalized Continuants in Navaho, Nootka and Kwakiutl (with a note on Indo-European). Language, v. 14, 1938, стр. 248—274; 2) The Indo-European Words for 'tear'. В статье: From Sapir's Desk. Language, v. 15, 1939, стр. 180—187, особенно стр. 181, прим. 2. См. также у Стёртеванта (S t u r t e v a n t. Indo-Hittite Laryngeals, стр. 19) об устных высказываниях Сепира.

¹⁸ E. S t u r t e v a n t. The Indo-Hittite Laryngeals.

¹⁹ W. P. L e h m a n n. Proto-Indo-European Phonology. Austin, 1952.

²⁰ G. L i e b e r t. D. indoeuropäischen Personalpronomina u. d. Laryngaltheorie. Lund, 1957 (Lunds Universitets Arsskrift. N. F. Avd. I, Bd. 52, № 7); J. P u h w e l. Laryngeals and the indoeuropean Verb. Berkeley and Los Angeles, 1960 (University of California Publications in Linguistics, v. XXI). — Эта последняя работа содержит обширную библиографию (стр. 1—13) о ларингальной теории, начиная с «Мемуара» Де-Соссюра и кончая 1959 г.

традиционной сравнительной грамматики. Естественно, что, вводя новые основные единицы в звуковую систему праязыка, легко было высказывать новые предположения. На симпозиуме 1959 г. в Техасе, где различные специалисты делали доклады о рефлексах ларингалов во всех ветвях индоевропейской семьи,²¹ эта тенденция проявилась в ряде сообщений, хотя наряду с этим были и более скептические голоса.

С желанием исследователей максимально расширить поле приложения ларингальной теории частично связана и третья тенденция последнего десятилетия — стремление увеличить число постулируемых ларингалов по сравнению с системами Куриловича и Стёртеванта. В этом отношении сыграли значительную роль работы А. Мартине и его доклад на VIII Международном конгрессе языковедов в 1957 г.²² Мартине находил, что ларингальная теория и другие исследования чрезвычайно сократили количество дистинктивных фонологических единиц, предполагаемых для общеиндоевропейского языка. После того как вокализм был сведен ценой немногих ларингалов до одного гласного, исключены были из состава праязыкового консонантизма глухие аспираты, а вместо трех гуттуральных серий стали приниматься две, он насчитал лишь 21 согласный и 1 гласный, т. е. сравнительно небольшой фонологический инвентарь. Он рекомендовал поэтому исследователям не стесняться в предположениях об исчезнувших общеиндоевропейских фонемах, если только для этого имеются компаративные или структурные основания. Мартине считал фонологически правдоподобным, что в языке, допускающем артикуляцию голосовой щели для образования смыслоразличительных единиц, эта артикуляция будет соединяться по мере возможности с другими, смычными и фрикативными, артикуляциями. Пред-

---

²¹ Evidence for laryngeals. Ed. W. Winter. Texas, 1960. — Вышедшим в 1965 г. переизданием этого труда я еще не мог воспользоваться.

²² A. Martin et. 1) Non-apophonic *o*-vocalism in Indo-European. *Word*, v. 9, 1953, стр. 253—267 (ср.: *Economie des changements phonétiques*. Berne, 1955, стр. 210—232); 2) *Le couple senex-senatus et le «suffixe» -k-*. *BSL*, t. 51, 1955, стр. 42—56; 3) Some cases of *-k-/-w-* alternation in Indo-European. *Word*, v. 12, 1956, стр. 1—6; 4) *Les «laryngales» indo-européennes*. *Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists, Oslo, 1956*, стр. 36—61; 5) *Phonologie et «laryngales»*. *Phonetica*, v. 1, 1957, стр. 7—30.

ложенная им теоретическая система содержит десять ларингалов. Я. Пухвел в упомянутом уже исследовании о функции ларингалов в системе индоевропейского глагола принял восемь ларингалов, а Ф. Родригес-Адрадос²³ — шесть ларингалов. Реконструкции этого рода приводят к постулированию систем, очень не похожих на исторические индоевропейские языки. Исследователю, ставшему на этот путь, грозит серьезная опасность отрыва от действительности.²⁴

Однако отнюдь не все ларингалисты стали сторонниками того варианта теории, который требует многочисленных ларингалов. Р. Кросленд, например, продолжает оперировать двумя ларингалами H_1 и H_2 (γ Стёртеванта и ∂_2 Куриловича).²⁵ Ряд участников сборника «Evidence for laryngeals» тоже удовлетворяется, с точки зрения рефлексов в отдельных ветвях, двумя или тремя ларингалами. Интересна позиция самого обновителя ларингальной теории на хеттской основе Ю. Куриловича. В монографии об индоевропейском аблауте он высказывается против всяких попыток придать элементам ϱ , установленным на функциональной основе, фонетическую реальность и трактовать их как подлинные ларингальные и против тенденции возводить к ларингальным поздние фонетические явления, свойственные отдельным языкам. По его мнению, эти попытки только дискредитируют ларингальную теорию.²⁶ Он отказывается от своих прежних фонетических объяснений происхождения слогового ∂ и ограничивается установлением того, что оно является комбинаторным вариантом ϱ , фонетической вокализацией его

²³ F. Rodríguez-Adrados. Estudios sobre las laringales indoeuropeas. Madrid, 1961.

²⁴ Можно было бы назвать и других авторов, которые придерживаются представления о большом количестве ларингалов. Ограничусь указанием на советского исследователя В. М. Иллича-Свитыча, который, исходя из одного славянского (и отчасти балтийского) материала предполагает пять ларингалов (О некоторых рефлексах индоевропейских «ларингальных» в праславянском. Вopr. языкозн., 1959, № 2, стр. 3—18).

²⁵ R. A. Crossland. 1) A reconsideration of the Hittite evidence for the existence of «laryngeals» in primitive Indo-European. Transactions of the Philological Society, 1951, стр. 88—130; 2) Remarks on the indo-european laryngeals. Archivum Linguisticum, v. 10, 1958, стр. 79—99.

²⁶ J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 169.

в определенных положениях. В докладе «Проблемы индоевропейского звукового строя», прочитанном на конференции 1961 г. в Инсбруке,²⁷ Ю. Курилович уклонился от подробного рассмотрения проблемы ларингальных, однако заметил, что считает ее значение сильно преувеличенным со времени книги Э. Стёртеванта, и высказался против «экстремистских тенденций» ограничить первоначальный индоевропейский вокализм одним *e* и тем обосновать усиленное развитие консонантизма со многими ларингалами. Исследователь считает возможным сохранить традиционную младограмматическую реконструкцию индоевропейского вокализма с незначительными изменениями: он принимает гласные *ē, o, i, ŷ* с изъятием *ā* и введением «ларингала *h* на основании хеттского».²⁸ О числе ларингалов прямо не говорится.

Очень сдержанно отзывается о современном состоянии ларингальной теории и другой ее «столп», Э. Бенвенист, — количество научных работ все увеличивается, но успехи невелики и результаты остаются спорными.²⁹ Как и Курилович, Бенвенист возражает против приписывания фонетической реальности ларингалам, «существам алгебраического порядка».

Разногласия среди сторонников ларингальной теории действительно велики.

В принципе ларингальную теорию можно считать обоснованной. Наличие в общем прошлом индоевропейских языков категории фонем, условно называемых «ларингалами», подтверждается: 1) их отражением в хеттском *h*; 2) системой индоевропейского аблаута, в которой соотношения между полной и слабой ступенью не могут быть приведены к единству без возведения долгого гласного к сочетанию краткого с консонантным элементом; 3) несомненными рефлексам ларингалов в отдельных языках и притом в таких, которые во многих отношениях наилучшим образом сохранили древние языковые черты.

---

²⁷ J. K u r y ł o w i c z. Probleme d. indogermanischen Lautlehre. II. Fachtagung für indogermanische u. allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 10—15 Oktober, 1961 (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Sonderheft 15, Innsbruck, 1962), стр. 107—115.

²⁸ Там же, стр. 112—114.

²⁹ E. B e n v e n i s t e. Hittite et indoeuropéen. Paris, 1962, стр. 9—10.

Так, восходящее еще к Де-Соссюру истолкование индоиранских глухих придыхательных как возникших частично из сочетания глухих с ларингальным и поныне представляется весьма убедительным. Чередование глухого с глухим придыхательным в такой архаической парадигме, как авестийский им. п. ед. ч. *pantā* (< и.-и. *pānt-ās) при род. п. ед. ч. *paθō* (< и.-и. *path-ās), вряд ли может быть объяснено без привлечения ларингальной гипотезы. Действительно, *pānt-ās восходит к и.-е. *pōnt-ēs < *pōnt-eə-s, где ларингал в позиции между гласным и согласным, выпадая, удлиняет предшествующий гласный, а в *path-ās отражена индоевропейская слабая ступень корня и суффикса при ударяемом окончании *pūth-ēs < *pūt-ə-ēs, где ларингал в позиции между глухим смычным и гласным превращает глухой смычный в глухой придыхательный.³⁰

Ларингальная теория создана на основе совокупного применения нескольких языковедческих методов: сравнительно-исторического в его чистом виде, а рядом с ним также метода восстановления прошлого по рудиментам и метода системной реконструкции — восполнения недостающих частей системы по их связям с известными частями. В этом отношении ларингальная теория отнюдь не является каким-либо разрывом с компаративистской традицией, напротив, она продолжает и совершенствует классические методы.

Вместе с тем, будучи продолжением классической компаративистики, ларингальная теория подымает ее задачи и методы на новую ступень. С тех пор как открытие Куриловича превратило ларингал — будем пользоваться этим установившимся термином — в историческую реальность, реконструкция общеиндоевропейского языкового состояния не может уже ограничиваться условным плоскостным уровнем — хотя бы и многовековым — «праязыка периода распада». Для этого уровня хеттское *h* яв-

³⁰ Ю. Курилович (L'Арophonie. . . , стр. 377) с полным основанием называет этот пример «решающим» для вопроса о возможности происхождения глухой аспираты из сочетания глухого с ларингалом. Ср. также: М. М а у г h o f e r. «Hethitisch u. Indogermanisch». Gedanken zu einem neuen Buche. D. Sprache, Bd. X, 1964, стр. 179. — Древнеиндийская парадигма: им. п. *pañhāh*, род. п. *pañhāh* представляет собой уже результат унификации, распространения аспираты на именительный падеж из косвенных.

ляется уже затвердевшим в условиях малоазийской лингвистической среды остатком прошлого, многозначительным рудиментом давно переставшей функционировать фонологической системы, вернее, ряда сменявших друг друга в своем историческом развитии фонологических систем. Ларингал — луч из былого, из доистории индоевропейских языков. Его наличие вынуждает поэтому поставить вопрос о множественности уровней реконструкции. Рядом с «ближней» реконструкцией становится «дальняя», и статика условной системы осложняется динамикой приведшего к созданию этой системы исторического процесса. И в то время как ближняя реконструкция была ориентирована в сторону будущего, имела своей целью разъяснить движение к исторически засвидетельствованным языкам, ларингальная теория — в любом ее варианте — обращена в прошлое, от которого отрекались младограмматики, в объявленную запретной область глоттогонии.

При новых задачах реконструкции меняются также и требования к ее достоверности. А. Мейе мог в свое время утверждать, что «единственная реальность», с которой имеет дело сравнительная грамматика индоевропейских языков, — это «соответствия между засвидетельствованными языками», что «индоевропейский язык восстановить нельзя», а то, что мы называем индоевропейским языком, есть только совокупность соответствий.³¹ Глоттогонический подход к реконструкции не может удовлетвориться таким ее пониманием. Для постановки вопроса о происхождении восстанавливаемых звуковых единиц общеиндоевропейского языка они должны быть не алгебраическими знаками, условными обозначениями формул соответствия, а обладать достаточной вероятностью своего исторического бытия. Однако это усложнение задач не сопровождается параллельным увеличением средств для их разрешения. Возможности дальней реконструкции оказываются весьма ограниченными. Вся история ларингальной гипотезы свидетельствует о трудностях ее разработки.

Нет согласия между исследователями относительно фонетической природы ларингалов. Вопрос этот имеет большее значение, чем ему склонны приписывать Ю. Ку-

---

³¹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 73—74, 81.

рилович и Э. Бенвенист, оперирующие ларингалами лишь как «алгебраическими знаками». Для поисков позднейших отражений ларингалов важно определить их фонетическую природу, и сделать это трудно потому, что она могла меняться с течением времени и быть не одинаковой на разных ареалах индоевропейской речи.

Самым спорным и трудным представляется вопрос о числе ларингалов. Очень возможно, что он требует разных ответов в зависимости от уровня реконструкции. Мы видели, что хеттский язык сохранил отражение лишь одного ларингала. Для ближней реконструкции можно было бы ограничиться одним ларингальным *ə*, комбинаторным вариантом которого является «индоевропейское шва» (между неслоговыми элементами). В индоевропейской звуковой системе оказался бы рядом с одиноким переднеязычным спирантом *s* также фарингальный спирант *ʒ*, функционально сближающийся с сонантами в силу своей способности к вокализации.³² Как и *s*, этот спирант мог бы иметь звонкий комбинаторный вариант между слоговыми элементами, внутри слова и в фразовых условиях, и варианты эти могли получать в дальнейшем фонологизированные рефлексy.

При дальней реконструкции вопрос о числе ларингалов неотделим от не менее сложного вопроса о числе индоевропейских гласных. При трояком тембре долгих гласных *ē*, *ā*, *ō* возведение их к группе «краткий гласный + ларингал» предполагает, что минимальная сумма основных кратких гласных и ларингалов должна быть четыре. При моновокалической гипотезе необходимы три ларингала *ə*₁, *ə*₂, *ə*₃ Ю. Куриловича; как указывает Н. Д. Андреев,³³ ларингалы эти очень хорошо укладываются в индоевропейскую консонантную систему, поскольку их оппозиции коррелятивны оппозициям трех серий гуттуральных:

---

³² Недавно было предложено вместо ларингальной теории оперировать гласным *ə*, имеющим в качестве аллофона долготу гласных, но лишенным согласного аллофона *h* (W. F. Wyatt Jr. *Structural Linguistic and the Laryngeal Theory*. *Language*, v. 40, 1964, стр. 138—152). При этом подходе разрушается установленное Де-Соссюром единство соотношений между полной и слабой степенью и не учитываются такие несомненные явления, как происхождение некоторых индоиранских глухих придыхательных из сочетания глухого смычного с ларингальным.

³³ Н. Д. Андреев. Из проблематики индоевропейских ларингалов. Докл. и сообщ. Инст. языкозн., № 12, 1959, стр. 28.

палатальной, велярной и лабиовелярной. Если исходить из трех гласных *e*, *a*, *o*, достаточно одного *a*. Возможен также промежуточный вариант: два кратких гласных *e* и *a* (или *o*) и два ларингала H_1 и H_2 , из которых первый не меняет тембра гласного, а второй придает ему тот тембр (*o* или *a*), который отсутствует у принятых за исходные гласных.

Принимать большее число ларингалов, чем три, вряд ли целесообразно, и все опыты, предпринимавшиеся в этом направлении, следует признать неудачными.

К вопросу об общиндоевропейском фонемном инвентаре

Гуттуральные

Наиболее трудной и сложной областью сравнительно-исторического изучения индоевропейских согласных является реконструкция гуттуральных рядов. Ветви дают чаще всего два ряда, однако ряды эти не удавалось привести в соответствие друг с другом иначе, чем путем предположения о наличии первичных трех рядов, которые двойким путем слились в разных языках в два ряда. На основе трудов Г. Асколи,³⁴ А. Фика³⁵ и его учеников была разработана — в законченном виде А. Беценбергером³⁶ — гипотеза о трех рядах индоевропейских гуттуральных — палатальном, велярном и лабиовелярном, которая и была канонизована Бругманом во втором издании «Grundriss'a» (1897). Основное расхождение между отдельными ветвями состоит, согласно этому взгляду, в том, что одни ветви (языки «кентум») слили палатальный и велярный ряды в один велярный, противопоставляя лишь лабиовелярный ряд с его рефлексами велярному ряду и его отражениям. Другие языки (языки «сатем») слили лабиовелярный с велярным, образовав единый велярный ряд, противостоящий с его отражениями рефлексам палатального ряда. Этот последний почти всюду

³⁴ G. A s c o l i. *Lezioni di Fonologia comparata del Sanscrito, del Greco e del Latino*. Torino e Firenze, 1870.

³⁵ A. F i c k. *D. ehemalige Spracheinheit d. Indogermanen Europas*. Göttingen, 1873.

³⁶ A. B e z z e n b e r g e r. *D. indogermanischen Gutturalreihen*. Beiträge zur Kunde d. indogermanischen Sprachen, Bd. 16, 1890, стр. 234—260.

представлен уже не палатальными смычными, а свистящими и шипящими, различными по разным языкам. Единые велярные ряды языков «кентум» и языков «сатем» также получили в дальнейшем многообразные отражения, частично в виде свистящих и шипящих аффрикат. Эта палатализация имела место в индоиранской и балтославянской группе перед гласными переднего ряда *ě, *ɨ и *i; в индоиранских языках она произошла еще до перехода *e > *a*. Лабиовелярный при этом тоже был устранен в дальнейшем развитии языков: дольше всего он сохранялся в латыни, но исчез в романских; тем не менее рефлексы лабиовелярного ряда во многих случаях еще отдифференцированы от рефлексов велярного.

В индоиранских и балтославянских языках гуттуральным западной группы индоевропейских языков соответствуют среднеязычные щелевые типа русск. *с* и *ш*, которые, очевидно, должны восходить к палатальным смычным. Индоиранские языки сохранили некоторые следы промежуточных этапов этого процесса. Так, в кафирских языках, занимающих в некоторых отношениях промежуточное место между индийской и иранской группой и сохраняющих ряд весьма архаических черт, глухой индоевропейский палатальный, лежащий в основе д.-и. *ç* и авест. *s*, отражен в виде переднеязычной аффрикаты *ç* = русск. *ц*.³⁷ Надо думать, что индоевропейский палатальный сперва дентализировался (*k'* > *t'*, *g'* > *d'*, *g'h* > *d'h*), а затем уже перешел в аффрикату и далее в спирант. В исходе древнеиндийских форм именительного падежа типа *vi!*, *vā!* (< *-tṣ*) еще сохранился этот переднеязычный смычный.³⁸ Аналогичный путь развития можно предполагать и для балтославянских языков. Общей чертой языков «сатем» является при этом тенденция к отдалению палатальных от заднеязычных в сторону передне-

---

³⁷ G. Morgenstierne. Indo-european *k* in Kafir. Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, Bd. XIII, Oslo, 1945, стр. 225—238; Z. Rysiewicz. Zagadnienie palatalnych w językach dardzyskich. В кн.: Studia językoznawcze. Wrocław, 1956, стр. 285—292. Ср.: T. Burrow. The Sanskrit Language. London, 1955, стр. 73; В. В. Иванов. Проблема языков *centum* и *satem*. Вопр. языкозн., 1958, № 4, стр. 12—23.

³⁸ A. Meillet. Les nominatifs sanskrits en *-t*. Indogermanische Forschungen, Bd. 18, 1905—1906, стр. 417—424; Z. Rysiewicz. Zagadnienie palatalnych. . ., стр. 290.

язычного ряда; все дальнейшее происходило уже самостоятельно в каждой группе языков.

С точки зрения теории трех рядов гуттуральных к общеиндоевропейскому времени относится лишь ослабление противопоставления палатальных и велярных, которое и привело к двойному результату: в языках «кентум» различие этих рядов дефонологизировалось, и они совпали, а в языках «сатем» оно было сохранено путем усиления фонетической дифференциации между ними, а следующим этапом была делабиализация лабиовелярных.

Частотность гуттуральных была велика. Согласно В. И. Георгиеву, «приблизительно около одной трети слов, принадлежащих индоевропейской лексике, содержат какой-нибудь гуттуральный согласный».³⁹

В языках «сатем», особенно в балтославянских, но иногда и в санскрите, имеется некоторое количество слов, в которых обычные соотношения нарушены: на месте ожидаемых по соответствиям отражений палатальных мы находим велярные или их позднейшие рефлексy. Так, ст.-сл. ГДГЬ соответствует лит. *žąsīs*, д.-п. *hamsāh*, д.-в.-н. *gans* и т. д.; ст.-сл. ГРКРЬ при д.-п. *çvāçurah*, лит. *sėsuras*. Бывают дублетные формы: д.-п. *lōpāçāh* и *lōpākās* 'шакал', ср. греч. *ἀλωπτεῖς*; с дифференциацией значений — лит. *akmiõ* 'камень' (ст.-сл. КИМЫ, д.-п. *açman-*) и *ašmiõ* 'острота'. В приведенных формах языки «сатем» содержат трактовку гуттуральных, свойственную языкам «кентум».

Явление это допускает разные объяснения, и очень возможно, что каждое из них справедливо для какой-то части материала. С одной стороны, мы уже постулировали некоторую расшатанность оппозиции палатальных и велярных как этап, предшествующий сдвигу палатальных в обеих группах языков. При этом дублеты были неизбежны. В языках «кентум» этих колебаний не может быть, поскольку полное слияние палатальных с велярными устранило следы былой флуктуации. Здесь сатемизирующий лексический слой может возникнуть только в порядке заимствований из других языков.

Другим источником отклонений от типических соответствий между языками «кентум» и «сатем» может яв-

---

³⁹ В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 28.

ляться диалектное многообразие внутри отдельных языков наряду с языковыми контактами. Балтийскославянский ареал находился на самой границе языков «кентум», а в такой пограничной зоне всегда вероятны интенсивные лингвистические контакты и диалектные пересечения. В древнеиндийском также могут быть отражения территориальной близости к языкам «кентум».

Наконец, нельзя упускать из виду третью возможность. При реконструкции общеевропейского языкового состояния мы иногда находим синонимичные корни, имеющие близкое звучание. Когда алб. *zjar* 'огонь' и лит. *zarjios* 'пылающие уголья' указывают на индоевропейский палатальный, а греч. θερμός 'теплый' совместно с лат. *formis* и д.-и. *dharmāh* представляют собой отражения индоевропейского лабиовелярного, перед нами не один корень, а два близких по значению, дифференцированных отличием между звуками, принадлежащими двум рядам гуттуральных. Синонимичность в этих случаях могла быть исконной, но вполне возможна и вторичная утеря конкретных смысловых отличий, которыми язык на более отвлеченной стадии перестал дорожить. Такие явления возможны и в самих корнях, а особенно в корневых детерминативах.

Колебания между палатальными и велярными, наблюдаемые в языках «сатем», таким образом, вполне объяснимы. Те несколько десятков случаев, в которых они обнаруживаются, составляют настолько незначительное количество по отношению к огромному числу гуттуральных в индоевропейских морфемах, что извлекать из них какие-нибудь выводы против предположения о трех гуттуральных рядах нет оснований.

Полемика против этой гипотезы всегда основывалась в первую очередь на том обстоятельстве, что исследователи находили в отдельных языках следы только двух рядов. Особенно настойчиво указывал на это Э. Герман.⁴⁰

Однако возникли разногласия, какие два ряда считать исходными. Здесь представлялись естественными два пути. Можно было принять те ряды, на которые указывают

---

⁴⁰ E. Hermann. Über d. Rekonstruieren. Zeitschrift für vergleich. Sprachforschung, Bd. 41, 1907, стр. 1—64, особенно стр. 58—60.

языки «сатем», т. е. палатальный ряд и велярный, а лабиовелярный признать новообразованием, свойственным только языкам «кентум». Эту гипотезу, после Г. Рейхельта,⁴¹ защищал в ряде исследований Ю. Курилович.⁴² Более распространен другой взгляд: общеиндоевропейскими считаются те ряды, рефлексy которых засвидетельствованы в языках «кентум», т. е. велярный и лабиовелярный, а палатальный ряд рассматривается как новообразование языков «сатем». Теорию позднейшего происхождения палатального ряда разрабатывал Г. Гирт,⁴³ а после него главным образом В. И. Георгиев.⁴⁴ Третья возможность — признать палатальный и лабиовелярный ряды исходными — справедливо была отвергнута исследователями. Это распределение гуттуральных серий не встречается ни в одном языке; к тому же, как неоднократно указывал в своих работах Курилович, эта модель неправдоподобна уже теоретически с фонологической точки зрения. И палатальную фонему ряда *k'*, и лабиовелярную ряда *k''* естественно мыслить как маркированные члены оппозиции, предполагающие рядом с собой немаркированный член *k*; без этого члена они повисают в воздухе.

Рассматривая противостоящие друг другу гипотезы Куриловича и Георгиева и полемику между этими исследователями,⁴⁵ нельзя не заметить, что оба языковеда приводят серьезные доводы в опровержение противоположной точки зрения.

---

⁴¹ H. Reichelt. D. Labiovelare. Indogermanische Forschungen, Bd. 40, 1922, стр. 40—81.

⁴² Важнейшие из них: J. Kuryłowicz. Les occlusives labiovelaires. В кн.: Etudes indoeuropéennes, I. . . , стр. 1—26; L'Apophonie. . . стр. 356—375; Probleme. . . стр. 108—110.

⁴³ H. Girt. 1) Zur Lösung d. Gutturalfrage im Indogermanischen. Beiträge zur Kunde d. indogermanischen Sprache, Bd. 24, 1899, стр. 218—291. 2) Indogermanische Grammatik. T. 1, 1927, стр. 226—241.

⁴⁴ В. Георгиев. 1) Индосвроейските гутурали. София, 1932. Годишник на Софийския унив., ист.-филол. фак., ХХСІІ, 6; 2) Исследования. . . , стр. 28—57. — В дальнейшем изложении я опираюсь главным образом на эту последнюю книгу.

⁴⁵ В. Н. Георгиев в «Исследованиях» резко возражает против изложения Ю. Куриловича в «Apophonie»; Курилович в инсбрукском докладе отвечает на эти возражения, не называя своего оппонента.

Согласно Куриловичу, лабиовелярные возникли в языках «кентум» из велярных, и неправдоподобность этого перехода может служить основным аргументом против всей гипотезы. Исследователь, по-видимому, не имеет в своем распоряжении исторически засвидетельствованных, а не только гипотетических, моделей такого перехода. В «Etudes indoeuropéennes» была ссылка на эфиопский язык, но в «Aprophonie» она молчаливо снята, и автор ограничивается умозрительными соображениями. Исходя из противопоставления палатального и велярного рядов во всех позициях, он постулирует перед *o*, *u*, *T* (согласным) нейтрализацию этого противопоставления в пользу велярного, т. е. немаркированного члена оппозиции.⁴⁶ Такое предположение само по себе вполне допустимо. Тогда, по мнению Куриловича, развитие идет следующим образом. «Палатальность *k* перед *e*, *i* ставится нефонологическим, комбинаторным признаком, зависящим от последующего гласного. С фонологической точки зрения *ke*, *ki* воспринимаются как относящиеся к *ko*, *ku*, *kT*, а *ke*, *ki* становятся маркированными членами оппозиции. Затем *ke*, *ki* совпадают с *kie*, *kui*, становясь *qⁿe*, *kⁿi* (откуда также *kio* > *qⁿo*). Этот второй этап — следствие маркированного (разрядка автора, — *И. Т.*) характера *k(e)*, *k(i)*. Велярность акцентирована округлением губ, сопровождающим как бы автоматически артикуляцию задней части языка».⁴⁷ Этот ход рассуждения близко напоминает излюбленные мысли автора о механизме морфологического развития, но никак не может убедить того, кто этих взглядов не разделяет. Пока *ke*, *ki* не изменились и находятся в оппозиции к *ke*, *ki*, эти последние не могут восприниматься как комбинаторные варианты *ko*, *ku*, *kT* и остаются маркированными членами оппозиции. Какая сила двигала бы *ke*, *ki* в направлении к лабиовелярности, непонятно. С другой стороны, не во всех языках «кентум» индоевропейские группы **ki* и **ku* (с точки зрения Куриловича, эта оппозиция нейтрализована) совпали с лабиовелярными.⁴⁸ В греческом языке

⁴⁶ Ю. Курилович не признает гласного *a* общиндоевропейским (см. ниже, стр. 42—43).

⁴⁷ J. K u r i l o w i c z. L'Aprophonie. . . , стр. 238.

⁴⁸ На это указывает и сам Курилович в примечании к только что приведенному месту.

группа *ku* отражается в виде геминаты -*кк-* (ἴκκος ср. д.-и. *acvah*; беот. *πκαрата* < **kua-*), в то время как рефлекс лабиовелярного всегда монофонематичен. В латинском *ku действительно отражено в виде лабиовелярного (*equos*), но группа **ku-* > *v-* (по крайней мере, перед гласным): *vapor*, ср. лит. *kvāpas* 'дыхание', 'пар';⁴⁹ между тем лабиовелярный в начале латинского слова сохраняется (*qui* и т. д.), кроме, может быть, положения перед *u*.⁵⁰ Поэтому ссылаться на совпадение *ke*, *ki* с *kie*, *kui* как общее явление языков «кентум» не приходится. Все этапы процесса лабиовеляризации *ke*, *ki*, предполагаемые Куриловичем, оказываются, таким образом, не правдоподобными.

Не подтверждается и исходное предположение о том, что место лабиовелярного только перед гласными переднего ряда, с последующим распространением на позицию перед *o*. Курилович исходил из латинских и германских данных, где *q* или *hw* не встречаются перед согласными. Но здесь позднейшая утрата губного придатка. Более древнюю картину обнаруживают греческие тексты микенской эпохи, сохранившие особую серию слоговых знаков для лабиовелярного, рядом с губным, двумя переднеязычными и заднеязычным. Греческий лабиовелярный мог находиться перед согласным, например *qi-ri-ja-to* = (ē)πρι-ατο, и вообще во всех позициях, кроме положения перед *u*.⁵¹ На это обстоятельство, равно как и на возможность постановки лабиовелярного перед *a* и *o* (например, в корне **g^ha-* 'идти'), указывает сам Курилович. Констатируя наличие трудностей, он, однако, замечает, что его теория наталкивается на гораздо меньшее количество исключений, «необъяснимых в настоящее время», чем противостоящая ей другая теория.⁵²

⁴⁹ Греческим соответствием для этих слов служит *καπνός*, но истолкование этой формы затруднено тем, что здесь могло иметь место диссимилятивное воздействие *π*.

⁵⁰ См.: И. Т р о н с к и й. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, § 216 (стр. 106).

⁵¹ М. L e j e u n e. Sur les labiovélares mycéniennes. В кн.: Mémoires de philologie mycénienne, première série. Paris, 1958, стр. 283—317. — В слове *qi-ri-ja-to* первый знак поставлен по правилам микенской графики, не знающей знаков для отдельных согласных; первый член консонантной группы выражается знаком, употребляющимся при сочетании этого согласного со слоговым гласным.

⁵² J. K i r g u t o w i c z. L'Aprophonie. . . , стр. 363.

Противостоящая теория принимает в качестве **исходной** ту картину, к которой приводят нас языки «кентум», с оппозицией велярного и лабиовелярного рядов. **Иновация** языков «сатем» состоит в первую очередь в том, что произошла палатализация, а затем и ассибиляция некоторой части велярных. Эта гипотеза, на первый взгляд, подкупает своей простотой, естественностью и целостностью. Действительно, палатализация и последующая ассибиляция заднеязычных представляет собой процесс, часто наблюдающийся в истории языков. В результате этого процесса наступало раздвоение корня (или основы): велярный перед одними звуками переходил в палатальный, перед другими оставался неизменным, и это случалось очень часто, особенно из-за чередования *e* и *o*. Тогда, согласно разъяснению В. Георгиева, вступал в действие «закон унификации раздвоенного корня». ⁵³ Парадигма нормализовалась в ту или другую сторону в пользу велярного или спиранта. Этим путем могут быть объяснены те колебания в словах одного корня внутри одного языка или между разными языками, о которых говорилось выше, и именно в этом В. Георгиев видит преимущество своей точки зрения перед теорией трех рядов. Позднее, после делабиализации лабиовелярных, которая совершается вслед за отходом палатальных, процесс палатализации повторяется в индоиранских и славянских языках, и притом в той же позиции, перед *e*, *i*, *j*, но в значительной мере с другими результатами.

Однако при более пристальном рассмотрении гипотезы В. Георгиева обнаруживается, что она сопряжена со значительными и вряд ли преодолимыми трудностями.

Недостатком изложения Георгиева является отсутствие фонологического обоснования. Курилович справедливо замечает, ⁵⁴ что положение перед гласными переднего ряда определяет собой только возникновение палатального комбинаторного варианта гуттуральной фонемы; для того чтобы этот вариант стал самостоятельной фонемой, нужны дополнительные условия. В этом отношении гипотеза Георгиева нуждается, во всяком случае, в перередактировании и фонологическом подкреплении.

⁵³ В. Георгиев. Исследования. . . , стр. 41—44.

⁵⁴ J. Kuryłowicz. L'Aprhonic. . . , стр. 357.

Далее, не может не вызвать настороженности та роль, которую играет в рассматриваемой гипотезе аналогическое выравнивание. Направление действия аналогии, особенно в массовом масштабе, нуждается в обосновании. Получается, что в языках «сатем» аналогия в огромном большинстве случаев почему-то действовала в пользу палатализованного звука, а не велярного, хотя мы часто ожидали бы противоположного направления аналогического процесса. Представляется совершенно невероятным, чтобы в имени *eknos 'конь' палатализация прошла по всей парадигме из-за формы звательного падежа *ekne или прилагательного *ekuios, где палатальный вариант, по мнению автора, фонетически обоснован. Естественнее было бы ожидать обратного действия аналогии — проникновения велярного, закономерного во всей парадигме, также и в звательный падеж, как это имело место в форме *vřka* вм. *vřca под влиянием им. п. *vřkah* — или сохранения фонетической вариантности как добавочного выражения грамматических отношений. Обнаруживается принципиальная разница между результатами «первой», гипотетической палатализации, и «второй», затронувшей в языках «сатем» новые велярные, восходящие к индоевропейским лабиовелярным. В этом последнем случае очень часто бывает и раздвоение корня: *vac*—*uktā*, и поддающаяся обоснованию унификация в разные стороны; между тем для гипотетической палатализации приходится принимать, по крайней мере в пределах одного языка, беспощадную последовательность, не оставляющую за собой никаких реликтов и распространяющуюся не только на формы слова, но, за ничтожными исключениями, также и на все дериваты одного корня. В. Георгиев объясняет это тем, что первая палатализация древнее и унифицирующая сила аналогии успела дальше распространиться. Можно согласиться с таким истолкованием в пределах флексии, но для деривации оно мало правдоподобно, и отношения типа «человек—человечество» характерны для всех индоевропейских языков. Разницу между «первой» и «второй» палатализацией гораздо естественнее объяснить тем, что во втором случае мы имеем действительно палатализацию с раздвоением корня и последующим частичным выравниванием, а в первом случае никакого палатализационного процесса в языках «сатем» не было, и палатальные имеют индоевропейское происхождение.

Однако это еще не самое важное. Основным доводом против гипотезы палатализации является то, что мы находим гласные палатального ряда в таких случаях, где ни фонетический, ни аналогический процессы не должны были приводить к палатализации. Этот аргумент выдвинул Ю. Курилович, и ответ В. Георгиева⁵⁵ показывает, к сколь искусственным предположениям нужно прибегать, чтобы оправдать основную гипотезу. Для корней **deks-* 'ловкий' и **teks-* 'тесать' надо допустить индоевропейские формы **dekes-*, **tekes-*. Это маловероятно уже потому, что за полной ступенью **dek-*, **tek-* естественно ожидать нулевой ступени *-s-*. Но даже если принимать эти формы в порядке дальней реконструкции, то в позднем индоевропейском, с которым только и приходится считаться при истолковании явлений языков «сатем», мы видим только группу *-ks-*. Особенно показательны числительные, в которых нет чередований, способных вызвать «раздвоение» корня. Для палатализации в словах **kmtō-* 'сто', **dek̑m̑* 'десять' приходится постулировать ad hoc, что «слоговые носовые сонанты развились в гласные или в сочетание гласный + носовой в очень отдаленную эпоху» и что «в индоиранском и армянском они первоначально изменились в палатальный (назальный) гласный (вероятно, *e*)».⁵⁶ Абсолютно противоречит предположению о палатализации в языках «сатем» числительное **oktō(u)*, где все индоевропейские языки без исключения указывают на отсутствие гласного переднего ряда между *k* и *t*.⁵⁷ Нет оснований также счи-

⁵⁵ В. Георгиев. Исследования. . . , стр. 44—52.

⁵⁶ Там же, стр. 46.

⁵⁷ Ссылка на ведийскую форму *acīti-* 'восемьдесят', будто бы оказавшую влияние на *açīd(u)*, не спасает дела. Это специфически индийская форма позднейшего происхождения. См.: O. Szemerényi. Studies in the indo-european system of numerals. Heidelberg, 1960, стр. 60—62. Правда, тот же Семереньи в своей недавней книге о синкопе (O. Szemerényi. Syncope in Greek and Indo-European and the nature of indo-european accent. Napoli, 1964 (Istituto universitario orientale di Napoli, Quaderni della sezione linguistica degli Annali, t. III), стр. 399—400) готов возвести **okto* к **okitō* (ср. также: J. Otrębski. Über die Vervollkommung der Forschungsmethoden in der indoeuropäischen Sprachwissenschaft. Lingua Posnaniensis, t. 9, 1963, стр. 14), но это явно делается ad hoc, во имя предположения о позднейшем происхождении палатального ряда, и мысль автора (там же, стр. 400, прим. 5) о синкопе *-i-* во всех ветвях в порядке «конвергентного развития» совершенно неправдоподобна.

тать форму числительного *sueks ошибочно реконструированной.

Все это заставляет думать, что палатальные были возможны в любой позиции, а не только перед гласными переднего ряда в формах аналогического происхождения.

Таким образом, оба варианта теории двух рядов гуттуральных оказываются неудовлетворительными.

Большие сомнения возбуждает даже то исходное соображение, которое лежит в основе обеих теорий. Они связаны с убеждением многих ученых, будто ни одна из ветвей индоевропейской семьи сама по себе не свидетельствует о более чем двух гуттуральных сериях. Между тем есть основания думать, что это не так. Ряд исследователей указывает на возможность обнаружить в некоторых ветвях рефлексы трех серий.

Э. Эванджелисти⁵⁸ показал, что тохарский материал наряду со следами различения велярных и лабиовелярных содержит особые рефлексы палатальных. Вопрос о рефлексах трех серий подробно разобрал В. Пизани.⁵⁹ Уже давно Г. Педерсен⁶⁰ утверждал, что в албанском, кроме особого палатального ряда, индоевропейские велярные иначе отражены, чем лабиовелярные. Многие против этого возражали, но Педерсена поддержал Н. Йокль,⁶¹ и Пизани считает этот вывод очевидным. К аналогичному тезису приходит сам Пизани в результате исследования армянских соотношений.⁶² И албанский, и армянский свидетельствуют, таким образом, против предположения, что лабиовелярные представляют собой новообразования языков «кентум».

---

⁵⁸ E. Evangelisti. Note tocariche. I. Gli esiti tocarici delle gutturali indoeuropee. Istituto Lombardo di Scienze e Lettere, Rendiconti, Classe di Lettere, t. 82, Milano, 1949, стр. 139—148.

⁵⁹ V. Pisani. La ricostruzione dell'indeuropeo e del suo sistema fonetico. Archivio glottologico Italiano, t. 46, 1961, стр. 1—31.

⁶⁰ H. Pedersen. D. Gutturale im Albanesischen. Zeitschrift für vergleich. Sprachforschung, Bd. 36, 1900, стр. 277—340.

⁶¹ N. Jokl. Beitrag zur Lehre von d. albanischen Vertretung d. indogermanischen Labiovelare. Melanges linguistiques offerts à H. Pedersen. Copenhagen, 1937, стр. 127—161. Ср. также: G. R. Soltá. Palatalisierung u. Labialisierung. Indogermanische Forschungen, Bd. 70, 1966, стр. 276—315.

⁶² V. Pisani. Studi sulla fonetica dell'armeno. I. Palatalizzazioni ed esiti di s+gutturale, esiti delle semivocali. Ricerche linguistiche, t. I, 1950, стр. 165 и сл.

Может быть, и справедливо скептическое замечание В. В. Иванова о том, что албанский, армянский и тохарский являются языками с наименее ясным развитием консонантизма; ⁶³ все же данные этих языков свидетельствуют наряду с неудачей обоих вариантов теории двух серий в пользу старой реконструкции А. Бецценбергера.

Ю. Курилович в своем инсбрукском докладе заметил, что гипотеза трех серий представляется наиболее целесообразной в обучении сравнительной грамматике, пока остается спорным, какой вариант гипотезы двух серий следует выбрать. ⁶⁴ Думается, что это целесообразно не только по педагогическим соображениям, но и по существу дела.

В. В. Иванов выдвигает против признания лабиовелярного ряда индоевропейским соображения о неустойчивости лабиовелярных образований. ⁶⁵ Он ссылается на исчезновение лабиовелярных во всех ветвях индоевропейской семьи и во многих других языках мира. Однако во всех приводимых им примерах известно лишь, когда лабиовелярные исчезли, но не имеется никаких данных о том, когда они возникли и сколько времени просуществовали. Тезис о «неустойчивости» повисает в воздухе.

Если правильна гипотеза о трех ларингалах, имеющая, как мы видели, ряд оснований в свою пользу (стр. 15, 23), то три ряда гуттуральных — палатальный, велярный и лабиовелярный — вполне изоморфны ∂_1 , ∂_2 и ∂_3 и являют оппозицию тех же дифференциальных признаков.

Ни языки «кентум», ни языки «сатем» не отражают общеиндоевропейского состояния гуттуральных рядов. Как уже было указано, к общеиндоевропейскому периоду относится только расшатанность оппозиции палатальных и велярных, приведшая к одному из двух путей дальнейшего развития. Не исключена возможность, что причиной этой расшатанности явился начавшийся процесс падения ларингалов.

Попытки выведения всех трех серий из одной могут делаться лишь в порядке дальней реконструкции. Курилович справедливо замечает, что они лишь кумулируют

---

⁶³ В. В. Иванов. Проблема языков. . . , стр. 22.

⁶⁴ J. Kuryłowicz. Probleme. . . , стр. 108.

⁶⁵ В. В. Иванов. Проблема языков. . . , стр. 22—23.

трудности, присущие гипотезам о двух рядах.⁶⁶ С точки зрения фонологической типологии вряд ли целесообразно слишком уменьшать количество индоевропейских согласных фонем.

Глухие аспираты

Исследование формул соответствия между звуками индоевропейских языков показывает, что внутри рядов согласных, определяемых различием активного речевого органа — губных, переднеязычных, гуттуральных, систематически проводятся противопоставления фонем по способу артикуляции. По меньшей мере устанавливаются три представителя каждого ряда: один глухой (для губного ряда это будет **p*), другой звонкий (соответственно **b*), третий представитель, отличный, очевидно, и от глухого и от звонкого, в огромном большинстве языков отражен либо как звонкий, либо как придыхательный (звонкий или глухой) и обычно реконструируется как звонкий придыхательный (в губном ряду **bh*).

Указанное тройственное противопоставление наличествует в четырех языковых ветвях: армянской, греческой, итальянской и германской; рефлексy при этом разные, но отличия рядов сохраняются. Во многих других ветвях устранено различие между звонким и звонким придыхательным и притом неизменно в пользу простого звонкого: это иранская, балтийская, славянская, албанская, кельтская и, по-видимому, хеттская ветви. В тохарской ветви все различия устранены в пользу простого глухого, но следы былой дифференциации, по крайней мере трех рядов, сохранились. Это показывает, в каком направлении шло развитие индоевропейских языков в дописьменный период их истории.

Однако существует одна ветвь, в которой различаются внутри каждого ряда не три представителя, а четыре. Это древнеиндийский язык, где наряду с глухими, звонкими и звонкими придыхательными имеются еще глухие придыхательные: ряд имеет схему *p—ph—b—bh*. Как фонетическая категория глухие придыхательные имеются и в других языках — в греческом, армянском. Однако ни в греческом, ни в древнеармянском рядом с ними нет

⁶⁶ J. K u g u ł o w i c z. Probleme. . ., стр. 108.

звонких придыхательных, так что четвероякое противопоставления не создается.⁶⁷

Вопрос о том, надлежит ли переносить четвероякое противопоставление в праязыковую реконструкцию и приписывать общиндоевропейскому языковому состоянию глухие придыхательные наравне со звонкими, издавна возбуждал споры между исследователями. Смущало то, что ряд глухих аспират, отличный от ряда звонких аспират, имелся только в одной ветви, и что соответствия древнеиндийским глухим придыхательным в других языках оказывались вариантными даже в пределах одного языка. Если древнеиндийской глухой аспириате в *sphūrjati* 'шипит', 'трещит' соответствует греческий глухой придыхательный в *σφαραγεοραϊ*, то такому же глухому придыхательному в д.-и. *āstham* соответствует уже простой глухой в греч. *ἄστυ*. Это наводило на мысль, что древнеиндийские глухие придыхательные являются результатом специфического развития древнеиндийского языка и не должны быть проецируемыми в праязык. Этому взгляда держались корифеи сравнительного языкознания в до-младогорамматический период — Бопп, Потт, Шлейхер, Курциус и др. Бругман включил глухие аспираты в свою систему, однако споры не прекращались. Количество корней, реконструированных с глухими придыхательными, было невелико, значительно меньше, чем со звонкими придыхательными, и исследователям всегда казалось, что это — либо позднейшее явление, либо какое-то специфическое, необычное, требующее особого толкования. А. Мейе рассматривал глухие аспираты как экспрессивный вариант

---

⁶⁷ Как обнаружил А. С. Гарибян (Об армянском консонантизме. Вопр. языкозн., 1959, № 5, стр. 81—90), в некоторых армянских диалектах существует четвероякое противопоставление: *p—ph*, *b—bh*. Исследователь усмотрел здесь многообразие, восходящее к праармянскому и редуцированное уже в древнеармянском до *p*, *ph*, *b*. Вокруг этой статьи развернулась обширная дискуссия на страницах «Вопросов языкознания», итоги которой подведены в статье: В. М. Жирмунский. Некоторые итоги дискуссии об армянском консонантизме. Вопр. языкозн., 1962, № 5, стр. 32—46. — Арменистические оппоненты А. С. Гарибяна считали четвероякую оппозицию позднейшей и не восходящей непосредственно к общиндоевропейскому языковому состоянию. Если бы это было и так, для нас в первую очередь важен аспект фонологической типологии: армянский материал еще раз показывает, что *bh* обычно не наличествует без *ph*.

простых глухих.⁶⁸ Еще дальше по линии звуковой симво-
лики пошел Ф. Шпехт.⁶⁹

Радикальное решение вопроса предложил Ю. Курило-
вич. Он предпринял попытку доказать, что глухие аспи-
раты представляют собой индоиранское новообразование
и не подлежат проекции в праязык.⁷⁰ Курилович с полным
основанием принимает предположение Де-Соссюра о про-
исхождении части индоиранских глухих аспират из со-
четания глухого смычного с ларингалом (см. выше,
стр. 11—12), но присоединяет к этому еще гипотезу об
оглушении звонких аспират в древнеиндийском. Глухие
аспираты особенно часто встречаются после *s*, и Курило-
вич считает, что в начале слова это сочетание возникло
из группы «*s*+звонкая аспирата».⁷¹ В подтверждение
приводятся, однако, лишь единичные и отнюдь не не-
сомненные примеры (в частности, сопоставляются д.-и.
bhurāti и *sphurāti*, которые обычно считаются принадле-
жащими к разным корням), так что это положение отнюдь
нельзя считать обоснованным. К еще более сложному и
искусственному построению приходится прибегать для
объяснения суффиксальных вариантов типа *-ta-*, *-tha-*
и т. п.

С совершенно других позиций подошел к вопросу
об индоевропейских глухих аспиратах Р. Гирше.⁷² Он
рассматривает только группу «*s*+глухая аспирата» и
стремится показать, что во всех языках, где эта группа
существует, она возникает вторично — в порядке местного
развития. Происхождение аспираты он объясняет чисто
фонетически — воздействием предшествующего *s*. Прочих
случаев он не разбирает и, по-видимому, не собирается

---

⁶⁸ A. Meillet. Un suffixe indo-européen méconnu. В кн.: Symbolae Grammaticae in honorem J. Rozwadowski. I. Kraków. 1927, стр. 105—108. Ср. его же «De la valeur des sourdes aspirées indo-européennes» в кн.: Ak. Grammatical Miscellany off. to O. Jespersen. Copenhagen—London, 1930, стр. 341—343.

⁶⁹ F. Specht. D. Ursprung d. Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944, стр. 252—258.

⁷⁰ J. Kuryłowicz. 1) Etudes indoeuropéennes. . . стр. 46—54; 2) L'Arophonie. . . , стр. 375—382.

⁷¹ Предположение это принадлежит Т. Зибсу (T. Siebs. Anlautstudien. Zeitschr. für vergleich. Sprachforschung, Bd. 37. 1904, стр. 293).

⁷² R. Hiersche. Untersuchungen zur Frage d. Tenues aspiratae im Indogermanischen. Wiesbaden, 1964.

оспаривать употребление аспирированных звуков в звукоподражательных словах типа д.-и. *kakhati* 'смеется', греч. *καχάζω*, арм. *xaxankh* и т. д.

На недостаточность разных попыток исключить глухие аспирированные звуки из звукового состава индоевропейского праязыка указывал в 1936 г. Я. Фриск.⁷³ За истекшие с тех пор 30 лет новых более убедительных аргументов не было выдвинуто. Более того, выяснилось, что приписывание индоевропейскому языковому состоянию трех рядов — глухого, звонкого и звонкого аспирированного — встречает серьезные возражения с точки зрения фонологической типологии. В докладе на VIII Международном конгрессе языковедов в Осло Р. О. Якобсон указал, что ни один язык не прибавляет к паре «глухой—звонкий» звонкую аспирированную *dh*, не имея ее глухого партнера *th*, между тем как *t*, *d* и *th* часто встречаются без сравнительно редкого *dh*.⁷⁴ Это типологическое обобщение ставит перед сравнительной фонетикой индоевропейских языков альтернативу: либо сохранить бругмановскую четырехчленную реконструкцию смычных, где каждый член входит в две бинарные оппозиции, по признакам звонкости и глухоты, с одной стороны, придыхательности и отсутствия придыхательности — с другой, типа

либо перейти на трехчленную классификацию, но отказаться при этом от звонких аспирированных звуков, предположив на их месте фонемы другого артикуляционного качества. Между тем реконструкция индоевропейских звонких аспирированных звуков естественно диктуется характером их дальнейших рефлексов. И если фонологическая типология требует рядом с ними глухих аспирированных звуков, то сомнения в существовании этой последней категории фонем в общеиндоевропейском следует признать гиперкритическими.

Рассмотрение проблемы гуттуральных, равно как и вопроса об аспирированных звуках, привело нас к выводу, что система

⁷³ Н. Frisk. Suffixales *-th-* im Indogermanischen. Göteborgs Högskolas Arsskrift, XLII, 2, Göteborg, 1936, стр. 41.

⁷⁴ R. Jakobson. Typological Studies and their Contribution to Historical Comparative Linguistics. Actes du huitième Congrès International des linguistes. Oslo, 1958, стр. 23.

двадцати индоевропейских смычных, установленная в конце прошлого века К. Бругманом, с ее пятью рядами, дифференцированными по активному органу речи, и четырехчленным противопоставлением по способу артикуляции внутри каждого ряда, выдержала испытание временем.⁷⁵ Как ближняя реконструкция общеиндоевропейской системы смычных теория Бругмана остается в силе.⁷⁶

Для дальнейшей реконструкции эта система содержит лишь немногие опорные пункты. Два момента в дистрибуции смычных обращают на себя внимание. Это, во-первых, дефективность губного ряда. Индоевропейский звонкий губной **b* встречается очень редко, особенно в начале слова (если не считать звукоподражательной лексики). Предположение об исчезновении звука **b* в начальном положении не может опереться ни на какие аналогии. Зато начальный глухой губной **p* часто обнаруживает свою нестойкость: так, и.-е. **pāter* > арм. *hair*, д.-ирл. *athir*. В древнеирландском также и срединное **p* в большинстве случаев исчезает. В связи с этим Г. Педерсен предположил, что аналогичный процесс исчезновения **p* имел место в доистории общеиндоевропейского языка, но что затем произошло передвижение согласных, в результате которого глухие и звонкие смычные поменялись местами: доиндоевр. **b* > и.-е. **p*, а исчезновение былого **p* оставило пустую клетку для **b*.⁷⁷ Развивая это предположение, можно объяснить и вторую аномалию в дистрибуции смычных, редкость глухих аспирированных. Уже сам Педерсен считался с возможностью, что индоевропейские звонкие аспирированные происходят из глухих. Можно допустить

⁷⁵ Этого же взгляда придерживаются такие самостоятельные исследователи, как Г. Педерсен (H. Pedersen. D. gemeinindoeuropäischen u. d. vorindoeuropäischen Verschlusslaute. København, 1951 (Det k. Danske Videnskabernes Selskab, Hist.-fil. Medd., XXXII, 5), стр. 3) и В. Пизани (В. Пизани. Общее и индоевропейское языкознание. В сб.: Общее и индоевропейское языкознание. М., 1936, стр. 136—140), не говоря уже об ученых, тесно примыкающих к младограмматической традиции, как Г. Краэ.

⁷⁶ По вопросу о так называемых «спирантах Бругмана» см.: В. В. Иванов. Общепиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 24—35.

⁷⁷ H. Pedersen. D. gemeinindoeuropäischen u. d. vorindoeuropäischen Verschlusslaute. . . — О передвижениях этого рода ср.: J. Kuryłowicz. Le sens des mutations consonantiques. Lingua, t. I, № 1, 1947, стр. 77—85.

в доиндоевропейском тройное членение внутри каждого артикуляторного ряда смычных: глухие, звонкие и глухие аспираты. Фонологическая типология вполне допускает такую систему, историческим примером которой служит древнегреческий. При передвижении согласных, когда глухие становились звонкими, глухие придыхательные тоже переходили в звонкие придыхательные, сохраняясь, однако, как резидуум в некоторых положениях, например после *s*, и в звукоподражательных словах, что и обусловило их фонологизацию. Трехчленные ряды доиндоевропейских согласных могли бы сопоставляться, как это в свое время делал Меллер для четырехчленных рядов, с троичными группами семито-хамитических языков, где рядом с глухими имеются звонкие и «эмфатические» глухие.

Однако каждый видит, на сколь зыбкой основе построены такие «дальние» реконструкции системы доиндоевропейских смычных.

Г л а с н ы е

Вопрос об индоевропейских гласных тесно переплетен с проблемами ларингальной теории, со спорами относительно количества ларингалов. Но все это относится лишь к дальней реконструкции на ее различных хронологических уровнях. В те столетия, которым должна соответствовать ближняя реконструкция, ларингалы, сколько бы их в прошлом ни было, находились в процессе исчезновения, и вокалические тембры, которые могли бы быть приписаны их действию, начинали характеризовать уже не фонетические варианты гласного в сочетании с ларингалом, а самостоятельные фонемы. Ближняя реконструкция рассчитана на картину, весьма близкую к фонологическим системам древнейших представителей отдельных ветвей, и при этом не обязательно абсолютно единую на протяжении всего ареала индоевропейской речи. Это — картина поливокалическая, с подсистемами кратких и долгих гласных (в том числе *i* и *ī*).

Сосредоточим внимание на триаде «собственных» кратких гласных — *e*, *a*, *o*. Младограмматики приняли эту триаду для праязыка, опираясь на данные ветвей с максимальным различием этих гласных — армянской, греческой, итальянской, кельтской, В германской, балтийской,

славянской, албанской и хеттской ветвях противостоят друг другу только два гласных — один переднего ряда *e*, другой непреднего ряда, который можно условно обозначить как *ā*: он выступает чаще всего как *a* (германский, балтийский, албанский, хеттский), в славянском — как *o*. При этом ветви с тембром *a* имеют в, противостоящем долгом тембр *ō*, славянский, наоборот, — *a*. Индоиранский дает вместо триады или диады единое *a*, однако ассимиляция палатальных там, где индоиранскому *a* соответствует европейское *e* (лат. *-que*, греч. *τε*, д.-и. *ca* и т. д.), свидетельствует о том, что эти индоиранские *a* восходят к **e*. Таким образом, в предыстории индоиранского можно обнаружить ту же диаду, что в германском и других языках.⁷⁸ Соперничают, стало быть, две системы. Следует ли одну из них признать первичной, и, если следует, то какую именно?

«Слабым» местом триады всегда представлялся индоевропейский гласный **a*, реже всего встречающийся, а главное — почти не принимающий участия в аблаутных соотношениях и тем самым как бы выпадающий из системы морфологизованных чередований. Отсюда постоянные попытки изъять этот гласный из исходного вокализма индоевропейских языков.

Самый частый случай индоевропейского **a*, согласно младограмматической реконструкции, случай начального положения получил в свете ларингальной гипотезы легкое истолкование: начальный гласный *a* восходит к **a₂e* или **a₂o*. Возникновение его из этих групп можно было рассматривать как общеиндоевропейский процесс (не затронувший, однако, хеттского языка, где ларингал в этой позиции сохранился: *han-ti*, греч. *ἀντί* и т. д.), и тогда **a*- относилось бы к одному из наиболее поздних слоев общеиндоевропейского языка; можно было, однако, исходя именно из группы **a₂o*, приписать изменение тембра гласного лишь южной группе языков, где при этом образовалась триада *e—a—o*, и для прочих принять **a₂o- > *o-* с дальнейшими рефлексамми этого **o* по различным ветвям. На эту вторую точку зрения встал Ю. Курлович, уделивший вопросу об **a* большое внимание

---

⁷⁸ Мы отвлекаемся от так называемого «закона Бругмана», согласно которому и.-е. **o > и.-и. ā* в определенных позициях.

в ряде своих работ.⁷⁹ Если мы возьмем его подробный разбор проблемы *а в книге «L'Арофоние» (1956), окажется все же, что исследователь оставил ряд случаев без объяснения. Таковы основы: *kaiko- 'слепой', *daiue- 'деверь', *k'an-ki- 'сук', *k'aso(n) 'заяц', *sauso- 'сухой', *ghans- 'гусь'. «Перед лицом этих этимологий, — пишет Ю. Курилович, — мы еще не решаемся рассматривать доказательство послеиндоевропейского (южного) происхождения вокализма а как окончательное. Но задача сводится к небольшому числу этимологий».⁸⁰ Немногие слова эти относятся к категории конкретных имен, не связанных с глагольными корнями. Ни в местоимениях, ни в числительных нет исконного вокализма а; нет его и среди названий частей тела, а это основные категории индоевропейской лексики. Исследователь считается с возможностью, что не поддающиеся объяснению случаи могут представлять собой заимствования из каких-либо неиндоевропейских языков. В инсбрукском докладе (1961) Курилович, не приводя уже новых доводов, исключил а из праиндоевропейского вокализма.

Против аргументации Куриловича выступил недавно О. Семереньи.⁸¹ Он настойчиво подчеркивает несводимость многих начальных *а к послеларингальной позиции или к шва, но наряду с этим выдвигает также и теоретическое соображение, основанное на принципах фонологической типологии: не существует фонологических систем, содержащих только гласные среднего и высокого подъема; все известные системы содержат а. С этой точки зрения предлагаемый Куриловичем праиндоевропейский вокализм ě, ѓ, ĭ, ѓ оказывается нереалистичным. Вывод Семереньи: надлежит признать индоевропейское а и тем самым принять для праязыка «нормальную систему из пяти гласных, такую, как мы находим, например, в латинском языке».⁸²

⁷⁹ Называем только основные: J. K u r y ł o w i c z. 1) Études indoeuropéennes. . . , стр. 103—121; 2) L'indoeuropéen connaissait-il A à côté de O? В кн.: Mélanges de linguistique et de philologie, offerts à J. van Ginneken. Paris, 1937, стр. 199—206; 3) L'Арофоние. . . , стр. 166—195; 4) Probleme. . . , стр. 112—114.

⁸⁰ L'Арофоние. . . , стр. 193.

⁸¹ O. S z e m e r e n y i. Structuralism a. substratum — Indo-European a. Aryans (sic! вм. «Aryans» следует читать «Semites») in the ancient Near East. Lingua, v. 13, 1964, стр. 1—29.

⁸² Там же, стр. 9.

Мы уже имели возможность убедиться (стр. 39) в том, сколь большое значение может иметь фонологическая типология при реконструкции доисторических состояний звукового строя. Однако в рассматриваемом случае ссылка Семереньи на типологические закономерности вряд ли достигает цели. Когда мы, рассуждая об индоевропейском вокализме, пользуемся привычными обозначениями *e, *o, они имеют условный характер, не позволяющий придавать им слишком определенную фонетическую реальность. Наши *e и *o в свое время обозначались как **a*₁ и **a*₂. Если бы мы пожелали придать реконструкции Куриловича форму

$$\begin{array}{cc} i & u \\ \bar{a} & \bar{a} \end{array}$$

возражения со стороны фонологической типологии, по-видимому, отпали бы.⁸³

Тем не менее самый вывод, к которому приходит Семереньи в результате анализа самого материала, представляется мне обоснованным, независимо от типологического аргумента. В случае с гласным *a* мы имеем ту же напрасную тенденцию языковедов исключить из реконструкции все «малочастотное», редкое, с которой мы уже встречались в вопросе о глухих придыхательных. Без исследовательского нажима, без предположений *ad hoc* нельзя устранить хотя бы и немногие случаи индоевропейского *a. Стало быть, необходимо его принять. Даже если бы этот звук оказался генетически чужим, субстратным, заимствованным и т. п., усвоение его в качестве особой фонемы дает ему место в фонологической системе языка, воспринявшего этот звук.

К тому же гипотеза о «заимствованном» характере слов, содержащих несводимые к известным нам источникам звуки *a*, тоже является одним из предположений *ad hoc*, к которым прибегают, не видя путей для приемлемого объяснения. «Заимствования» иноязычных слов с усвоением иноязычной фонемы вместо замены ее автохтонной фонемой представляют собой вообще редкий случай, если речь не идет о заимствовании из одного литературного языка в другой на совершенно ином уровне языкового

⁸³ К типологии вокализма ср. также: В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, . . ., стр. 19—24.

развития. В словах с несводимым *a* естественнее поэтому видеть не заимствования из другого языка, а остатки прошлого, рудименты. Так, по-видимому, смотрит на этот вопрос и Семереньи. Он исходит при этом из представления о позднем возникновении индоевропейского качественного аблаута *e/o*, который стал мощным морфологическим фактором, преобразил всю картину индоевропейского вокализма и вытеснил более ранние чередования. Формы с древним вокализмом *a* остались в некоторых изолированных словах, не связанных с глагольными корнями и не охваченных перестройкой вокализма. Последующая судьба *a*, дефонологизация различия между *a* и *o* в ряде языков (см. выше) связана была с незначительностью функциональной нагрузки *a*. В дальнейшем эта нагрузка увеличилась благодаря возникновению *a* (или *ā*) < *ə* в европейских языках (по-видимому, уже очень поздний процесс).

Проблемы дальней реконструкции индоевропейского вокализма очень сложны. Они неразрывно связаны со спорными вопросами ларингальной теории и с не менее спорными вопросами развития индоевропейского аблаута, которые остаются нерешенными, несмотря на обилие высказанных по их поводу предположений.

Нет, разумеется, ничего проще, чем принять моновокалическую теорию в одной из ее разновидностей и представить себе весь дальнейший ход развития как все время направленный в одну сторону процесс дифференциации вокализма, выделение самостоятельных гласных из бывших «силлабофоном» или «протофоном».⁸⁴ С умозрительной точки зрения, такие гипотезы всегда возможны. И нет ничего легче, чем подвергать эти гипотезы умозрительной же критике, ссылаясь на то, что действительность всегда сложна и картина непрерывной единообразной

---

⁸⁴ См., например: L. Hjelmslev. Quelques réflexions sur le système phonique de l'indo-européen. Mélanges linguistiques offerts à M. H. Pedersen. København, 1937 (Acta Jutlandica, XI, 1), стр. 34—44; С. Н. В о r g s t r ø m. 1) Thoughts about indo-european vowel-gradation. Norsk Tidsskrift for sprogvidenskap, Bd. XV, Oslo, 1949, стр. 137—187. 2) Internal reconstruction of preindo-european word-forms. Word, v. 10, 1954, стр. 275—287; Н. Д. А н д р е е в. Периодизация истории индоевропейского праязыка. Вопр. языкозн., 1957, № 2, стр. 3—18. С. Д. К а ц н е л ь с о н. К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы. Вопр. языкозн., 1958, № 3, стр. 46—59.

эволюции маловероятна. Нас интересует только вопрос о том, в какой мере факты, устанавливаемые ближней реконструкцией индоевропейского вокализма, дают опору для дальнейших исканий.

В этом отношении интересна позиция Ю. Куриловича, исследования которого способствовали распространению моновокалической теории, начиная с 30-х годов нашего века. В своем уже неоднократно упоминавшемся инсбрукском докладе он выступил с рядом критических замечаний по адресу этой теории. То обстоятельство, что на основе форм с вокализмом *e* возникает нулевая ступень с *i* и *u*, ступень с тембром *o*, удлиненная ступень *ē* и т. д., еще не дает основания умозаключать, что все *i*, *u*, *o*, *ē* и т. д. позднейшего происхождения. В древних индоевропейских языках огромный слой производных форм, основанных на аблаутных закономерностях, оттеснил сравнительно немногочисленные слова, сохранившие древний вокализм. Древнее *o*, как в греч. $\chi\omicron\tau\tau\omega$, представляет собой уже редкий случай по сравнению с массовой деривацией типа $\gamma\acute{o}\nu\omicron\varsigma$.⁸⁵ Рядом с распространением новых тембров шла элиминация старых. С другой стороны, вокализм *e* в ряде случаев, вероятно, уже является вторичным, представляя собой новообразование по преобладающему типу. Все это делает реконструкцию *e* как единственного гласного если не невозможной, то во всяком случае весьма спорной и непосредственно из фактов не вытекающей.

Против моновокалической гипотезы выдвигались доводы также с точки зрения фонологической типологии. «Моновокалическая картина праиндоевропейского языка не находит поддержки в зарегистрированных языках мира», — утверждал Р. О. Якобсон на VIII Международном съезде лингвистов в Осло.⁸⁶ Не будем входить в рассмотрение вопроса о том, действительно ли в известных нам живых языках нет моновокализма. Специалисты тех языков, относительно которых утверждалась моновокаличность (абхазский, аранта и т. п.), расходятся в своих мнениях. Но даже если утверждение Якобсона правильно, оно не может претендовать на панхроническую значимость.

⁸⁵ J. Kuryłowicz. *Probleme...*, стр. 113.

⁸⁶ R. Jakobson. *Typological Studies...*, стр. 23. Ср.: Н. С. Трубецкой. *Основы фонологии*. М., 1960, стр. 107. — «Языков с одной-единственной гласной фонемой, видимо, нет».

Оно сигнализирует лишь о том, что гипотеза о монокаллическом предке индоевропейских языков должна быть отнесена к достаточно отдаленному прошлому, к такой хронологической глубине, на которой типологические закономерности современных языков уже не действуют. Однако суждения о явлениях такой глубины вряд ли могут быть добыты путем системного анализа недавних фактов и в сущности выходят за пределы всякой «реконструкции», даже дальней.

II. РЕКОНСТРУКЦИЯ КАТЕГОРИЙ ИМЕННОЙ И ГЛАГОЛЬНОЙ ФЛЕКСИИ

Категории именной флексии

Первичное единство грамматического строя индоевропейских языков является не менее важным показателем их генетической связи, чем общность лексического состава и устанавливаемые на основе этой общности закономерные фонетические соответствия между отдельными ветвями и языками. Сравнительно незначительная «проницаемость» морфологии, особенно словоизменения, очень редко подвергающегося воздействию со стороны других языков, делает ее бесспорным свидетельством языкового родства. Этим определяется ее решающее значение в комплексе вопросов, связанных с реконструкцией общеиндоевропейского языкового состояния. Если нет поддающейся реконструкции морфологической системы, то «реконструкция» рассыпается.

Морфологические системы современных индоевропейских языков складывались в течение ряда тысячелетий. Одной из наиболее замечательных их особенностей, благодаря которой сравнительно-исторический метод оказался по отношению к индоевропейской семье более продуктивным, чем в какой-нибудь другой области языкознания, является их многослойность. Новые явления сосуществовали с более ранними, часто накладывались на них, не снимая их полностью. Отсюда многочисленные «аномалии» индоевропейских языков, остатки былых систем, свидетельства о прошлом, позволяющие продуктивно применять метод восстановления этого прошлого на основании его пережитков. В любом индоевропейском языке, хотя бы взятом нами в наиболее ранний период его засвидетельствования, мы легко найдем элементы его системы,

восходящие к уровням разной глубины. Одни возникли уже на путях самостоятельного развития данного языка, другие появились в одной из ареальных зон, выделившихся из индоевропейской общности; многое восходит к общеиндоевропейскому состоянию того периода, который восстанавливается в порядке ближней реконструкции; другие стороны системы, и при этом, может быть, наиболее основополагающие в смысле морфологической структуры индоевропейского слова, уводят в еще более далекое прошлое.

Мы видели, что для фонологической дальней реконструкции почти единственным твердым пунктом является наличие ларингальных. Морфологическая дальняя реконструкция имеет больше опорных точек. Не говорю уже о проблеме индоевропейского корня. В настоящей главе нас интересуют вопросы флективной структуры имени. Как ни решать спорные вопросы ближней реконструкции, о которых у нас пойдет речь, общеиндоевропейское языковое состояние являет картину весьма развитой флексии. Между тем стоит лишь обратиться к такому характерному для древних индоевропейских языков явлению, как именное словосложение, и мы сразу наталкиваемся на пережитки дофлективного периода. Наряду с позднейшими типами композиции, где сложные слова возникают в результате смыслового и формального объединения синтаксической группы, срастающейся в единое целое (например, лат. *agri-cultura* 'земледелие'), такие сложные имена, как лат. *agri-cola* < *agro-cola 'земледелец' или греч. *ροδο-δάκτυλος* 'розоперстый', не могут быть разложены на грамматически оформленные слова и созданы по более древнему словообразовательному типу, где первым членом сложения является не падежная форма, а именная основа. Этот тип словосложения (сложение в собственном смысле слова) унаследован от общеиндоевропейского языкового состояния и должен восходить к такому периоду развития индоевропейского языка, когда флексия (по крайней мере, в ряде синтаксических сочетаний) еще не была выработана и морфема, ставшая впоследствии основой имени, представляла собой самостоятельное слово. Другим остатком дофлективного периода является форма звательного падежа единственного числа (греч. *πάτερ, λῶξε*), которая представляет собой в позднейшей системе основу с нулевой флексией, но по

своему происхождению является былой формой имени флективно еще не изменявшегося. Экспрессивность, связанная с функцией обращения, позволила сохраниться архаической форме. В таком же положении находится форма повелительного наклонения единственного числа с нулевой флексией, сохранившаяся в тех же условиях обращения. Таким образом, мы имеем все основания доводить дальнюю реконструкцию до эпохи, предшествующей возникновению флексии. Вместе с тем несомненная многослойность системы флективных категорий и у имени (и местоимения), и у глагола позволяет поставить вопрос о восстановлении основных этапов ее развития и прийти в ряде пунктов если не к несомненным выводам, то во всяком случае к вполне обоснованным предположениям.

Возможность ухода в более далекую историю не снимает, однако, остроты спорных моментов ближней реконструкции. Они касаются важнейших вопросов развития индоевропейской флексии.

Как известно, в периоды развития индоевропейских языков засвидетельствованные письменными памятниками старые флективные системы во всех ветвях так или иначе шли на убыль. Со времени романтиков (Ф. Шлегеля и др.) процесс этот истолковывался как деградация, иссякание творческого начала в языке. Младограмматики отказались от теоретической концепции о смене двух периодов — роста и упадка — в жизни языка вообще, но сохранили представление о росте флективной системы в праязыковой период, об упадке ее после распада языка. Младограмматическая реконструкция перенесла в общеиндоевропейское состояние морфологический строй тех языков, в которых он отличался наибольшей сложностью и расчлененностью, — санскрита и греческого. Отклонения других ветвей рассматривались как утраты или новообразования, как перестройка древней индоевропейской системы, происшедшая в промежутке времени между «распадением» праязыка и древнейшими памятниками каждой данной ветви. Направления языкового развития в эти зачастую весьма длительные периоды дописьменной истории отдельных ветвей отождествлялись, таким образом, с позднейшим, исторически документируемым направлением в сторону упадка флективности. Веским доводом в пользу предположения об утрате ряда флективных категорий в отдельных ветвях индоевропейской семьи явилось то

наблюдение, что утрата морфологических категорий очень часто сопровождается сохранением соответствующих форм, адаптирующихся к новой системе. Со времени исследования Дельбрюка об отложительном, местном и орудийном падежах ⁸⁷ утвердилось учение о падежном синкретизме. Там, где количество падежей сократилось по сравнению с древнеиндийской восьмипадежной системой (а это имело место в той или иной мере почти повсюду), сокращение происходит в порядке слияния прежде дифференцированных падежей воедино, новые синкретические падежи содержат сумму значений, принадлежавших падежам, из которых они составились, и зачастую сохраняют форманты своих предшественников. Так, старославянский родительный складывается из двух индоевропейских падежей — родительного и отложительного; латинский аблатив имеет тройственное происхождение, сочетая в себе отложительный, орудийный и местный.

Младограмматическая реконструкция общеиндоевропейской флективной системы, солидно обоснованная рядом выдающихся исследователей, не осталась, тем не менее, без возражений. Ее упрекали в чрезмерно односторонней ориентации на санскрит и греческий, т. е. на языки одной восточной группы индоевропейской семьи, в отношении к праязыку нововведений, свойственных только восточному ареалу. В связи с этим встал вопрос о том, что рост флективной системы мог продолжаться в отдельных ареальных зонах уже после распада праязыка как целого, что общеиндоевропейскую морфологическую систему надлежало бы представлять себе более простой, чем древнеиндийская или греческая. Изучение новых языков, тохарского и хеттского, обнаружило в них ряд изоглосс, связывающих их как раз не с восточным, а с западным ареалом, в частности с итальянскими и кельтскими языками, и это повысило интерес к явлениям западных языков и их значению для реконструкции общеиндоевропейского состояния. Особенности хеттского языка поставили вопрос об их сравнительно-исторической оценке, что в них является архаизмом, сохраняющим индоевропейское прошлое, и что инновацией. К новым фактам

---

⁸⁷ В. D e l b r ü c k. Ablativus, localis, instrumentalis. Berlin, 1867; ср. также: К. P e n k a. D. Entstehung d. synkretistischen Casus in Lateinischen, Griechischen u. Deutschen. Wien, 1874.

присоединились и новые методологические установки, иные взгляды на характер индоевропейской общности. Младограмматики проводили в своей реконструкции принцип полного единообразия; новые течения подчеркивали момент изначальной диалектной раздробленности, возможности исконных различий, явившихся источником многообразных отражений в будущих «ветвях».

Вопрос о проверке и эвентуальном пересмотре младограмматической реконструкции индоевропейской флективной системы является, таким образом, вполне актуальным. Нельзя не отметить, что в последние годы некоторые советские исследователи определенно высказывались в пользу несложной морфологической структуры праязыка и предлагали переориентировать реконструкцию от санскрита и греческого на хеттолувийскую и германскую ветвь.⁸⁸

Автор настоящих строк в свое время⁸⁹ ожидал от этой проверки более значительных результатов, чем она, по-видимому, может дать. Ныне он полагает, что младограмматическая реконструкция индоевропейской флексии нуждается, конечно, — две трети века спустя! — в серьезных дополнениях и поправках, но в основном выдержала испытание временем.

Категории рода, числа и падежа, переплетением которых определяется система именной (и местоименной) флексии в древних индоевропейских языках, разнотипны как по своей грамматической сущности, так и по своему отношению к предметному миру и объективной действительности.

Особенно остро стоит этот последний вопрос в отношении категории рода. Она возникает только тогда, когда

---

⁸⁸ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958 (Доклады на IV Международном съезде славистов); В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963. — Эта же точка зрения проведена, хотя и с оговорками, в таком капитальном труде, как «Сравнительная грамматика германских языков», — см. статьи Э. А. Макаева об именном склонении (т. III, М., 1963) и М. М. Гухман о глаголе (т. IV, М., 1966).

⁸⁹ И. М. Тронский. К вопросу о сравнительно-историческом методе. Уч. зап. ЛГУ, сер. филолог. наук, вып. 15, 1952, стр. 26—27.

морфологический классификационный признак, присущий предметному имени, но не составляющий координаты его формоизменения, отражается в форме качественного имени, которое само по себе к определенному роду не принадлежит, но изменяется по родам. Если в языке замирает формоизменение качественных, «согласуемых» слов по роду, категория рода исчезает.

Все древние индоевропейские языки, кроме армянского, имеют категорию рода, и каждое имя к ней причастно, либо принадлежа к некоторому роду, либо изменяясь по родам. Если оставить в стороне заведомо более поздние явления редукции родовой системы, то во всех ветвях, известных в XIX в., были три, те самые три рода, которые со времен античной грамматики получили наименование мужского, женского и среднего (или нейтрального). Совершенно естественно, что классификация предметных имен по трем названным родам была приписана общеиндоевропейскому языковому состоянию.

Система эта, прочно держащаяся во многих языках в течение тысячелетий вплоть до нашего времени, всегда вызывала недоумение исследователей своей «непонятностью». Действительно, к какому из индоевропейских языков мы бы ни обратились на любом этапе его развития, категория рода может рассматриваться как знаменательная, семантически обусловленная только по отношению к одной, и притом сравнительно немногочисленной части лексического материала, к существительным, обозначающим лиц и животных. Огромная литература, посвященная проблеме грамматического рода вообще и родовой системе индоевропейских языков в особенности,⁹⁰ не дала еще удовлетворительного ответа на вопрос о предметно-смысловых основах родовой классификации и, более того, даже не создает убеждения, что самая постановка этого вопроса в равной мере законна по отношению ко всем элементам этой системы.

---

⁹⁰ История вопроса до 1929 г. подробно рассмотрена в книге: G. R o u e n, O. F. M. Die nominalen Klassifikations-Systeme in den Sprachen der Erde. Mödling, 1929 (Linguistische Bibliothek Anthropos, Bd. IV). Важнейшие из более поздних работ поименованы в статье: I. F o d o r. The origin of grammatical gender. *Lingua*, v. VIII, 1959, стр. 1—41, 186—214. Новейшая трактовка вопроса в книге: J. K u r y ł o w i c z. The inflectional categories of indoeuropean. Heidelberg, 1964, стр. 207—226.

Серьезный шаг вперед в прояснении этих вопросов был сделан А. Мейе.⁹¹ Он установил, что в привычной трехродовой классификации не все члены гомогенны и что средний род занимает по отношению к мужскому и женскому другую позицию, чем мужской и женский роды между собой. Противопоставление среднего рода (n) двум прочим родам значительно глубже проникает в грамматическую систему древних индоевропейских языков, чем противопоставление женского рода (f) мужскому (m). Средний род имеет редуцированную систему форм, поскольку по всему склонению проведено формальное равенство именительного падежа (N) и винительного (A) во всех числах, не говоря уже о звательном (V), для которого служит та же форма NA. В единственном числе среднего рода форма эта в именной системе имела нулевое окончание. Правда, в основах на *-e/o- некоторые ветви и языки перенесли на NAV и окончания *-m (*-n) из A других родов (и.-и. -am, греч. -ου, лат. -um, кельт. *-on, д.-прус. -an), но, как свидетельствует хет. -a, лит. -a, ст.-сл. o, это — позднейшее, не общеиндоевропейское явление. Местоименное окончание NAVn -d отлично от окончаний других родов. Это обстоятельство особенно важно в том отношении, что согласование местоимений на *-d с существительными, имевшими нулевую флексию, создавало уже родовую классификацию, превращало имена, свойством которых было равенство N и A, из класса в грамматический род (позднейший средний), которому тем самым противостоял другой род (несредний). В результате форма An всегда, а форма Nn почти всегда отличны в единственном числе от форм других родов по своему конечному элементу. Нулевое окончание является остатком дофлективного состояния, от которого в именах среднего рода вообще остались значительные следы былой несклоняемости. В греческом языке, вообще богатом архаизмами в отношении родовой системы, имеется ряд слов, не употребительных иначе, как в NAVn: *θερας*, *σεβας*, *ἦθος*, *ορελος* и т. д. Синтаксический рудимент того же явления можно видеть в употреблении формы

---

⁹¹ Для нас наиболее важны его статьи в сборнике «Linguistique historique et linguistique generale», 2 ed. Paris, 1926, а также «Essai de chronologie des langues indo-europeennes, La théorie du féminin» (Bull. de la Soc. de Ling. de Paris, t. 32, 1931, №№ 1—3, стр. 1—28).

NAVn в функции универсального объектного падежа в таких сочетаниях, где слово несреднего рода было бы поставлено в каком-либо другом из косвенных падежей.⁹² Это бывает и с именами и, особенно, с местоимениями в греческом и еще чаще в латинском языке. Хеттский допускает такое употребление местоимения среднего рода во многих конструкциях. В историческое время огромное большинство имен среднего рода уже имеет полную парадигму склонения. Формы падежей, отличных от NAV, совпадают при этом с соответствующими формами имен несреднего рода от основ того же типа, и притом имен мужского рода, если в этом типе основ мужской и женский род обнаруживают отличия в склонении. Это — показатель направления, в котором развивалась флексия. Склонение мужского рода играло индуцирующую роль по отношению к более «отсталому» среднему роду. Сюда же относится нередкая в словах среднего рода, принадлежащих к древнему лексическому фонду, гетероклисия: парадигма образована формой NAV единственного числа (S) от одной основы, к которой присоединяются прочие формы от другой основы. Этот флективный тип восходит, очевидно, к супплетивизму двух основ, из которых одна служила для несклоняемого в прошлом слова среднего рода, а другая для изменяющегося по падежам слова несреднего рода. Наиболее частый случай такой гетероклисии представляет собой сочетание в одной парадигме основы на *-r- или *-i- для NAV(S) и основы на *-n- для прочих форм, например хет. NAV *uatar* с супплетивной основой *ueten-*. Во множественном числе (P) для функции NAVn адаптированы формы, служившие для производства собирательных имен, чаще всего с основой *-ā/ə, т. е. с ларингальным в исходе, опять-таки резко отличные от форм NV и A во множественном числе других родов. Средний род, таким образом, представляет собой категорию, имеющую давние истоки в общеиндоевропейской языковой системе; особенности его представляются зачастую уже архаическими и идут на убыль в процессе языкового развития.

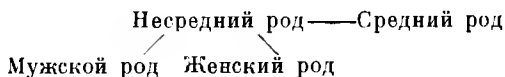
⁹² W. H a v e r s. Eine syntaktische Sonderstellung griechischer u. lateinischer Neutra. Glotta, Bd. 13, 1924, стр. 171—189; E. L ö f s t e d t. Syntactica. Lund, Bd. I, 1928, стр. 187 и сл.; Bd. II, 1933, стр. 15.

Совершенно иную картину являет противопоставление женского и мужского рода. Оно не столь глубоко пронизывает грамматическую систему, как соотношение среднего рода с несредним, и, что самое важное, степень его проникновения в эту систему различна в разных ветвях. В санскрите или германском степень эта значительно выше, чем в греческом или латыни. Стало быть, мы имеем здесь дело с противопоставлением более новым, крепнущим на наших глазах, рост которого продолжается после распада индоевропейской общности, на путях самостоятельного развития отдельных ветвей. Отвлечемся пока от спорного вопроса о сравнительно-грамматической оценке хеттской родовой системы (см. стр. 64). Если рассматривать только те ветви, которые были известны в XIX в. необходимо будет признать все три рода как общеиндоевропейские. Уже в общеиндоевропейское время наметилась значительная тенденция соотносить некоторые основы имен существительных, особенно основы на **-ā-*, **-iē-*, **-ī-*, **-n-*, с женским родом, но прикрепления тех или иных основ к родам еще не наступило и в большинстве своем типы основ оставались безразличными к роду. Внутри этих основ принадлежность существительного к мужскому или женскому роду не отражалась на склонении. Всюду, где при одной основе возникали флективные различия между именами мужского и женского рода, как это имело место в рефлексках основ на **-ā-* в греческом языке, основ на **-i-* и **-u-* в древнеиндийском и в германском и т. д., мы имеем дело со специфическими новообразованиями отдельных ветвей. В тех частях речи, которые изменяются по родам, в прилагательных и местоимениях, процесс образования особых форм женского рода протекал интенсивнее, но и тут степень захвата языкового материала была неодинакова в разных ветвях; также и в этом отношении греческий и латинский языки архаичнее других. В области указательных местоимений дифференциация форм мужского и женского рода общеиндоевропейская: д.-и. *sa, sā*, греч. *ὁ, ἡ*, гот. *sa, sō*, лат. формы AS *sum, sam*. Иначе обстоит дело с прилагательными, причастиями. В латинском языке, как и во многих других, систематически проведено чередование основы **-e/o-* и **-ā-* для противопоставления *m* (а также *n*) и *f* в прилагательных и причастиях (*bonus, bonum—bona*), но во всех прочих основах

прилагательные (и причастия) противопоставляют единую форму *mf* форме *n* (*brevis—breve*,⁹³ AS *audācem—audāx*, NP *audācēs—audācia*). По сравнению с латинским греческий язык в этом отношении, с одной стороны, более архаичен, но содержит и инновации. Архаичность состоит в том, что очень большое количество прилагательных с основой на **-e/o-* не имеет соотносительной формы женского рода с основой на **-ā-* и *-os* функционирует как общая форма *mf*, противопоставленная *-o* (*n*); к числу этих прилагательных «двух окончаний» на *-os* относятся вместе с рядом простых прилагательных многочисленные композиты, образованные по архаическим моделям словосложения; нередко бывают колебания между более старинным типом двух окончаний и позднейшей трехродовой моделью. С другой стороны, греческий язык ввел трехродовое чередование в ряд других основ (**-u*, **-n*, **nt-* и т. д.). Неразличение мужских и женских форм прилагательного мы находим иногда и в других языках, например в древнеиндийских основах на *-u-*. При таких условиях общеиндоевропейским явлением можно признать только сильную тенденцию к созданию трехродовой модели в тематических основах прилагательных по типу местоименной модели.

Эти особенности морфологической структуры древних индоевропейских языков заставили А. Мейе с полным основанием предположить, что трехчленной родовой классификации предшествовала двучленная. По его мнению, средний род некогда противостоял не мужскому и женскому как двум самостоятельным родам, а как единому целому, впоследствии распавшемуся на два отдельных рода. Получается схема:

Многие исследователи согласились с этой реконструкцией происхождения индоевропейской родовой системы.⁹⁴

⁹³ Противопоставление, разумеется, имеет место только в формах N(V) и A, где средний род отличается от несреднего. Использование двух фонетических дублетов для дифференциации *m* и *f* в типе *acer-acris* произошло очень поздно и не может интересовать нас в данной связи.

⁹⁴ J. L o h m a n n. Genus u. Sexus. Göttingen, 1932 (Ergänzungshefte zur Zeitschrift für vergleich. Sprachforschung, N 10);

Мысль о расщеплении старого несреднего рода на позднейшие мужской и женский не может быть обоснована приведенными выше материалами. Они диктуют лишь необходимость признания оппозиции *mf* более поздней, чем *pop-p—n*. Идея распада *pop-p* на *m* и *f* вызвана обстоятельством, о котором мы еще не упоминали. Дело в том, что в хеттском языке обнаружилась двухродовая система, в которой среднему роду противостоит «общий», соответствующий совокупности мужского и женского родов в других древних индоевропейских языках. То, что наиболее древний по засвидетельствованию индоевропейский язык, сохранивший ряд несомненно архаических черт, как например ларингал, подтвердил гипотезу о двучленной родовой классификации, выведенную из материала других языков в порядке внутренней реконструкции, казалось достаточным основанием для признания хеттского языка сохранившим эту древнюю родовую классификацию в ее исконном виде. Отсюда, конечно, вытекало, что позднейшие мужской и женский род выделились из «общего» рода хеттского типа.

Предположение об архаическом характере хеттской двучленной системы родов вызвало, однако, возражения других исследователей, предпочитавших усматривать в хеттской модели не архаическую черту, а новообразование, редукцию общеиндоевропейской трехчленной системы. С А. Меие спорил Г. Педерсен;⁹⁵ к взгляду Педерсена присоединился Г. Кронассер, не считавший нужным утруждать себя сколько-нибудь обстоятельной аргументацией.⁹⁶ Из советских исследователей того же мнения придерживается Г. В. Гамкрелидзе.⁹⁷

E. Schwyzer—A. Debrunner. Griechische Grammatik, Bd. II. 1949, стр. 30; T. Burrow. The Sanskrit Language. . . , стр. 200—207; L. Hjelmslev. Animé et inanimé, personnel et non-personnel. Travaux de l'Institut de linguistique, t. I, Paris, 1956, стр. 155—199; J. Kuryłowicz. The inflectional categories. . . , стр. 207 и сл.; J. B. Hofmann—A. Szantyr. Lateinische Syntax u. Stilistik. München, 1965, стр. 5, и др.

⁹⁵ Н. Pedersen. Hittitisch u. d. anderen indoeuropäischen Sprachen. . . , стр. 13—19.

⁹⁶ H. Kronasser. Vergleichende Laut- u. Formenlehre d. Hethitischen. Heidelberg, 1956, стр. 97.

⁹⁷ Г. В. Гамкрелидзе. «Анатолийские языки» и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. М., 1964, стр. 2

Аргументацию Педерсена вряд ли можно признать убедительной; она направлена преимущественно против тезиса Мейе об архаическом характере периферийных языков, что не имеет прямого отношения к рассматриваемому нами вопросу. Однако независимо от доводов Педерсена отождествление хеттской родовой системы с праязыковым состоянием времени отделения хеттского от общеиндоевропейского массива связано с известными трудностями. Если хеттский выделился на таком этапе развития индоевропейской речи, когда для нее характерна была двучленная родовая система и даже не было тенденции к созданию трехчленной, то должно было бы пройти очень много времени для того, чтобы все прочие ветви пришли так или иначе к трехродовой системе, в общих чертах единой для всех этих языков, несмотря на разную степень дифференциации форм мужского и женского рода. Это единство, охватывающее во всех ветвях один и тот же ряд суффиксов, служащих преимущественно для образования существительных женского рода, свидетельствовало бы к тому же об очень незначительном диалектном расслоении праязыка во время отделения хеттского. Это все легко объяснялось бы, если бы была правильна гипотеза Э. Стёртеванта о том, что хеттолувийская группа противостоит не отдельным ветвям индоевропейской семьи, а всей семье в целом, как самостоятельный отпрыск более широкой «индохеттской» семьи, отделившийся в далеком прошлом от второго отпрыска этой семьи — праиндоевропейского языка. Хеттский сохранял бы двучленную классификацию индохеттского, а индоевропейский выработал бы три рода. Если же отход будущих носителей хеттской речи произошел не в столь отдаленные времена и если в индоевропейском уже началось тогда диалектное расслоение, которое привело к разным путям развития на разных ареалах, нелегко себе представить, что эти разные диалекты все выработывали трехродовую систему в столь сходных направлениях.

Тем не менее самая последовательность развития от двучленной к трехчленной именно классификации в истории индоевропейского языка не должна, по-видимому, вызывать сомнения. Проблема происхождения этой классификации сводится к двум основным вопросам: 1) как возникла модель, в которой среднему роду противостоял несредний род; 2) в силу каких причин эта модель была

перестроена и среднему роду стали противопоставляться два рода — мужской и женский.

Ни один из этих вопросов не получил еще окончательного разрешения.

Согласно наиболее вероятному предположению, в основе двучленной классификации лежит противопоставление активного и инертного, или одушевленного и неодушевленного, или лица и вещи, одна из тех многочисленных классификаций, которые в разных вариантах нередко встречаются в различных языковых семьях.⁹⁸ Двучленная классификация этого типа, деление имен на одушевленные и неодушевленные имеется, например, в алгонкинских языках Северной Америки. Некоторые индоевропейские языки до сих пор сохранили такое деление, по признаку лица и вещи, в вопросительно-неопределенном местоимении: русск. *кто, что*, греч. *τις, τι*, лат. *quis, quid* и т. п. Однако в применении к именам эта характеристика хорошо подходит только к одному из членов противопоставления — среднему роду. Существительные среднего рода действительно обычно обозначают неживое, неактивное, нерасчлененное, например части тела, явления природы, сосуды и орудия, единицы времени, а также могут иметь собирательное или отвлеченное значение. На изначальную инертность, неактивность имен среднего рода, по-видимому, указывает и то обстоятельство, что они не имеют самостоятельной формы именительного падежа, отличной от винительного. Это — имена, не обозначавшие действителя.

Однако — и в этом трудность вопроса — род или роды, противостоящие среднему, никогда в доступное исследование время не содержали в себе одни только наименования одушевленных или активных предметов, а распространялись также на имена неподвижных вещей и отвлеченных понятий. Дихотомии активного и инертного (в любом варианте этого противопоставления) материал не дает.

---

⁹⁸ G. Rozen, O. F. M. Die nominalen Klassifikations-Systeme. . . ; ср.: М. Я. Н е м и р о в с к и й. Род и класс. К вопросу о генезисе номинальных классификаций. Орджоникидзе—Грозный, 1935 (Изв. Ингушского н.-иссл. инст., т. IV, вып. 2); А. В. Д е с н и ц к а я. Именные классификации и проблема индоевропейского склонения. Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., 1941, № 3, стр. 49—55,

Необходимо, правда, учитывать, что в древних индоевропейских языках, кроме хеттского, мы застаем средний род как элемент трехчленной родовой системы и не знаем состава противостоявшего ему некогда несреднего рода до возникновения оппозиции мужского и женского рода. Над исследователями слишком тяготела хеттская модель, в которой несредний род представляет собой сумму мужского и женского. Если представлять себе древний индоевропейский активный класс по этой модели и видеть в мужском и женском родах только продукт его распада, очень трудно понять картину распределения имен по родам в исторических индоевропейских языках. Естественнее представлять себе женский род не как простую «половинку» древнего «активного» рода, а как новый класс имен, включивший в себя имена, прежде принадлежавшие и активному роду, и неактивному.

С возникновением родов, именуемых по традиции мужским и женским, родовая дифференциация действительно используется как средство выражения половых различий, но выходит далеко за их пределы. К женскому роду трехчленной индоевропейской родовой системы относятся не только наименования живых существ женского пола, но и большое количество имен неодушевленных предметов, в том числе многие отвлеченные имена действия и качества, а также собирательные имена. Это — те основные лексико-семантические категории, из которых складывается состав женского рода в древних индоевропейских языках. Можно думать, что имена живых существ женского пола прежде относились к несреднему («активному») роду, а собирательные и отвлеченные — к среднему. Создание женского рода отсекло от обоих древних родов по части и образовало из них новый класс.

Вряд ли было бы перспективным искать для этой новой грамматической категории каких-либо предметно-смысловых основ. Ссылка на особенности «первобытного» мышления бесполезна. Образование женского рода происходило еще в общеиндоевропейский период, но на позднем его этапе, который соответствует примерно развитому неолиту или даже началу энеолита. О материальной культуре, социальном строе и мировоззренческих представлениях евразийских племен этого времени есть достаточно сведений, чтобы не приписывать им такого «мышления», которое объединило бы в одну семантическую

категорию женщин с именами качества и глагольного действия. Очевидно, речь идет о категории, создавшейся по внутриязыковым причинам.

Поэтому заслуживают внимания те теории, которые выдвигают на первый план формально-синтаксические моменты соотношения родовой классификации предметных имен с ее отражением в согласованных с именами грамматических категориях слов, изменяющихся по родам — местоимениях, прилагательных, причастиях.⁹⁹ Одной из существенных функций рода, продолжающей играть роль также и в современных языках, является то, что она облегчает соотнесение согласуемого слова (например, анафорического местоимения 'он', 'она', 'оно') с существительным, которое при этом замещается.¹⁰⁰ В сложном предложении внутри связного контекста, всюду, где согласуемое слово удалено от своего существительного, особенно в языках со свободным порядком слов, родовая дистинкция обогащает возможности согласования, становясь одним из синтагматических приемов. Мы видели, что древнейшим, еще общеиндоевропейским этапом становления женского рода явилось выделение группы имен, с которыми согласовались формы местоимений и прилагательных, образованные от основы на **-ā-* (**sā* и т. п.), т. е. основы с ларингальным исходом. Вместе с тем среди древнейших существительных женского рода основную массу составляют имена на **-ā* и на **-ī-*, опять-таки основы с ларингальным исходом. Соотнесение этих основ друг с другом создает женский род.

Этапы становления этой категории можно представлять себе по-разному, и вряд ли их можно восстановить с точностью. В качестве вполне правдоподобной возможности следует указать на гипотезу А. Мартине. По его мнению, женский род впервые появился в согласовании указательных местоимений типа **sā* с группой имен. Прилагательные женского рода на **-ā* были образованы уже

---

⁹⁹ A. Martinet. Le genre féminin en indo-européen: examen fonctionnel du problème. BSL, t. 52, 1956, стр. 83—95; I. Fodor. The origin of grammatical gender. . . Ср. также: J. Kuryłowicz. The inflectional categories. . . (более ранняя трактовка вопроса в «Etudes indoeuropéennes. . .», стр. 244—251).

¹⁰⁰ W. Admoni. D. deutsche Sprachbau. 2 Aufl., 1965, стр. 99—100; ср.: R. de la Grasserie. De la catégorie du genre. I. Paris, 1906, стр. 251.

по аналогии местоимений. Местоименная оппозиция типа *so, *sā могла существовать и раньше. Тогда она была использована ради нового типа согласования. Местоименное противопоставление могло служить в свое время для выражения половых различий (так думает Мартине), но *sā могло иметь не значение женского пола, а какое-нибудь иное, например собирательное. Каково бы ни было его исконное значение как самостоятельного слова, оно стало согласовываться в анафорическом порядке по формальному признаку с существительными, имевшими ларингальный исход, независимо от их значения.

Если мы возьмем наиболее распространенный словообразовательный суффикс существительных, имевший ларингальный исход, суффикс *-ā-, то он употреблялся для производства имен от глаголов или других имен и дериваты имели разные значения в зависимости от характера отправного слова. Имена на *-ā-, образованные от глаголов или прилагательных, имели отвлеченное значение: д.-и. *dicā* 'направление', греч. *δίκη* 'право', 'справедливость'; греч. *φύγη*, лат. *fuga* 'бегство'. При образовании от существительного производные имена на *-a указывали на женский пол, когда отправное слово допускало половые различия: *ācvā* от *ācvah* и т. д., или имело собирательное значение: греч. *πόρᾶ* 'костер' от *πῶρ* 'огонь', *πατρά* 'отечество' от *πατήρ* 'отец', и т. п. Искать в этих случаях семантической связи между дериватами нет оснований. До образования женского рода отвлеченные и собирательные имена на *-ā- относились, надо полагать, к инертному роду и не имели различия между N и A. С другой стороны, имена со значением женского пола должны были входить в состав активного рода с дифференцированными N и A. С образованием женского рода как единой грамматической категории дифференциация N и A распространилась также и на бывшие «инертные» имена.

К существительным с ларингальным исходом, образовавшим, согласно предлагаемой здесь гипотезе, первичную группу имен женского рода, стали затем присоединяться в силу различных семантических аналогий имена с другими основами. Формальные дистинкции между женским родом и противостоявшим ему мужским стали затемненными; среднего рода с его особыми формами NA это не касалось. Начался процесс установления дистинк-

ций, размежевание основ между родами. Это последнее происходило в основном уже после распада индоевропейского единства.

Имена со значением женского пола не являлись, таким образом, основной лексико-семантической категорией при образовании «женского» рода. Однако они в некоторых отношениях уже с самого начала приобрели ведущую роль. Благодаря им женский род стал дифференцировать N и A. В этом отношении мужской и женский род противостоят среднему как единство, чем и обусловлена была возможность сохранения прилагательных двух окончаний, различающих только мужско-женский род и средний, в ряде языков. В позднейшие периоды истории индоевропейских языков родовые различия сохраняют знаменательный характер почти исключительно в дифференциации живых существ по полу, чем и объясняются традиционные термины «мужской» и «женский» род.

Если наше объяснение происхождения женского рода правильно и он действительно объединил в своем составе часть имен активного рода с частью — и притом количественно очень значительной — имен инертного рода, то тем самым решается спорный вопрос о месте хеттской родовой системы в истории индоевропейского рода. «Общий» род, противостоящий среднему в хеттском языке, не воспроизводит древнего активного рода, а является суммой мужского и женского рода в том их составе, который характерен уже для трехродовой классификации. Он мог возникнуть только в порядке редукции уже сформировавшихся трех родов. В качестве факторов этой редукции можно указать, с одной стороны, на совпадение индоевропейских тембров *o* и *a* в хеттском *a*, ставившее под угрозу различие *m* и *f*, а с другой стороны, на субстратные влияния: лингвистическая среда, в которую попал хеттский язык — хурритский, хаттский и т. д., характеризовалась отсутствием родовой классификации.

Таким образом, против признания трехродовой системы общеиндоевропейской не имеется никаких противопоказаний. Она должна быть сохранена в ближней реконструкции, в то время как двучленная классификация отходит в историческую глубину как образчик почти несомненной дальней реконструкции.

С категорией рода — и притом в ее древнейших дистинкциях — в индоевропейском переплетались дистинк-

ции двух прочих категорий флексии — числа и падежа. Эти две последние категории вообще неразрывны: различия в числе выражаются противопоставлением падежных окончаний. Основа к числу безразлична. Это обнаруживается, между прочим, в композитах: лат. *regifugium* 'царебегство' не содержит указания, бежал ли один царь или несколько; ср. русск. *богоборец*.

Категория грамматического числа имеет свою проблематику,¹⁰¹ в которой немаловажное место занимает вопрос о так называемых «особых значениях» множественного числа.¹⁰² Они отражают различные этапы развития категории множества в языке. Выработке единой категории отвлеченного множества предшествуют более конкретные множества. Они могут отличаться друг от друга численной мощностью — таковы двойственные, тройственные числа разных языков, или способом своего составления, например инклюзивное и эксклюзивное множественные числа у местоимений первого лица в некоторых языках ('мы, включая вас' и 'мы, исключая вас'). Для личных местоимений характерна категория коллектива неоднородных предметов (мы=я+различные не-я), целое, в котором маркирован элемент, обозначаемый соотносительным единственным числом. Важнее всего, однако, соотношение раздельной множественности и собирательности: это смысловое столкновение сопровождается в индоевропейских языках историю грамматического множественного числа от самого возникновения этой категории до наших дней.¹⁰³

---

¹⁰¹ См.: И. М. Тронский. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках. Уч. зап. ЛГУ, сер. филолог. наук, вып. 10, 1946, стр. 54—72.

¹⁰² Вопрос этот был поставлен на материале русского языка в статье: А. А. Потебня. Значение множественного числа в русском языке. Воронеж, 1888 (отд. оттиск из «Филологических записок»); ср.: В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 147—166. — Аналогичные материалы из древних языков, преимущественно греческого и латинского: J. Wackernagel. Vorlesungen über Syntax., Bd. I. Basel, 1920 (21926), стр. 73—105.

¹⁰³ Ср. о современном русском языке: «В разнообразии употребления форм множественного числа выражается смысловое противопоставление разъединенного множества отдельных единиц и коллективной совокупности или сплошной массы однородных предметов» (В. В. Виноградов. Русский язык. . . , стр. 166).

В древних индоевропейских языках, помимо единственного (S) и множественного (P) числа, существовало еще двойственное (Du). Эта архаическая категория, свойственная многим языковым семьям,¹⁰⁴ с течением времени идет на убыль. Так было и в индоевропейской семье, хотя в некоторых языках двойственное число сохраняется и поныне (литовский, лужицкие). Если взять древнейших представителей каждой ветви, мы найдем дуалис в живом употреблении в индоиранских языках, балтославянских, в греческом (но уже не во всех диалектах), частично в тохарском; остатки обнаруживаются в германских языках (местоимения, глагол), в древнеирландском (имена), совершенно незначительные следы в итальянских и, может быть, в хеттском. Таким образом, двойственное число имелось во всех основных ареальных группах. При этих условиях его отсутствие в отдельных ветвях, сравнительно поздно или совсем поздно засвидетельствованных и значительно отличающихся от общеиндоевропейского типа, не может рассматриваться иначе, как утрата. Категорию двойственного числа надлежит признать общеиндоевропейской. Однако уже с самых ранних известных нам времен она представляется вялой и маложизнеспособной и допускает факультативную замену себя множественным. Как мы увидим, развитие падежной системы не привело к созданию многочисленных дифференцированных форм двойственного числа. При системе восьми падежей ни в одном языке нет больше трех отличных друг от друга форм двойственного числа.

Важное значение для дальнейшей реконструкции развития категорий грамматического числа имеет вопрос о множественном числе слов среднего рода. Его синтаксические и морфологические особенности давно обратили на себя внимание, и труд Иоганна Шмидта «Формы множественного числа среднего рода в индоевропейском языке»¹⁰⁵ стал основополагающим в этой области исследованием.

Шмидт исходил из известного правила греческого синтаксиса, согласно которому при подлежащем во множественном числе среднего рода глагольное сказуемое

---

¹⁰⁴ A. Cuny. La catégorie du duel dans les langues indo-européennes et chamito-sémitiques. Bruxelles, 1931 (Mémoires de l'Académie Royale de Belgique, Classe des lettres, II, 28).

¹⁰⁵ J. Schmidt. D. Pluralbildungen d. indogermanischen Neutra. Weimar, 1889.

ставится в единственном числе, в то время как подлежащее во множественном числе мужского и женского рода имеет при себе глагольный предикат во множественном числе. Это явный архаизм, поскольку уже у Гомера названное правило может нарушаться в сторону распространительного употребления множественного числа глагола, но аттическая проза и зависящий от нее позднейший греческий литературный язык строго соблюдают его. Это особое положение множественного числа среднего рода свойственно также древнейшим индоиранским текстам, но уже в Ведах оно существует лишь в качестве архаизма, а в Авесте оно соблюдается только в древнейшей части — в Гатах. В хеттском языке, который еще не был известен И. Шмидту, рассматриваемое правило имеет еще более широкое применение, чем в греческом и индоиранском: оно распространяется также на именное сказуемое и на притяжательные местоимения, служащие определением к существительным среднего рода в NA множественного числа. Очевидно, это особое положение множественного числа среднего рода, характерное для древнейших текстов на индоевропейских языках, должно быть проецировано в праязыковое состояние. Множественная форма имен среднего рода означала нечто иное по сравнению с множественным числом других родов. Она первоначально выражала не раздельную множественность, а собирательность, и поэтому сочеталась с глагольным сказуемым в единственном числе. Собирательное значение еще долго сохраняется в субстантивированном употреблении множественного числа среднего рода прилагательных и местоимений: *χαλεπα* (P) *τὰ καλά* (P) 'трудно — прекрасное' (ср. лат. *omnia* (P) *praeclara* (P) *rara* (P) 'все прекрасное редко', хотя в латинском языке уже нет употребления S глагола при Pn). Отсюда возможность употребления Pn прилагательного как предиката (или определения) при расчлененном подлежащем (или определяемом), состоящем из имен (обычно неодушевленных) других родов и чисел.

И. Шмидт показал, что толкование NAn как собирательного имени в индоевропейских языках может быть оправдано и морфологически. Формы именительного — винительного падежа множественного числа от имен среднего рода представляют собой не что иное, как собирательные слова, адаптированные, иногда с перестановкой

ударения, к функции множественного числа. В первую очередь это относится к наиболее частой форме NAn, форме на *-ā/-ə*. Здесь форма с нулевой флексией, конечный элемент которой представляет собой один из наиболее употребительных суффиксов собирательных и отвлеченных имен. Элемент *-ā/-e* не флективный, а деривационный. Форма NAn образована от иной основы по сравнению с NAn в единственном числе.

И. Шмидт представлял себе дело так, что собирательные имена на *-ā* относились к женскому роду и имели соответствующее склонение. Согласно предположению, изложенному выше, слова эти в свое время принадлежали к инертному классу и оставались несклоняемыми. С образованием женского рода произошло разделение самостоятельных собирательных слов на *-ā*, перешедших в женский род, и форм на *-a*, вошедших в систему имен среднего рода как множественное число.

Другие формы NAn, отличные от образования на *-ā/-ə*, тоже представляют собой адаптацию собирательных имен к системе среднего рода.

В исторических индоевропейских языках категория множественности едина. Рассмотренные нами явления свидетельствуют, однако, о более древнем языковом состоянии, при котором раздельная множественность распространялась лишь на имена активного класса, а в пассивном классе имела только категория собирательности. Собирательность предшествует множественности. Эта последняя выражается в древних индоевропейских языках лишь путем флексии и тем самым является сравнительно молодой категорией, которой в дофлективном состоянии индоевропейских языков могла предшествовать только собирательность. Раздельная множественность возникла в активном классе: каждый из активных действующих мыслится как самостоятельный предмет, способный быть и субъектом и объектом действия. Имена активного класса могут мыслиться и в совокупности и в раздельном множестве. Инертные предметы имели лишь собирательную совокупность.¹⁰⁶

---

¹⁰⁶ Связь между противопоставлениями активного и инертного в именной классификации и отношением раздельной множественности к собирательности имеется также в неиндоевропейских языках. Некоторые примеры приведены в статье «К семантике множественного числа. . .», стр. 61, прим.

То, что И. Шмидт установил для множественного числа, очевидно, может быть перенесено и на двойственное, искони тесно связанное с категорией парности, т. е. с одним из видов собирательности.

Мы уже видели (стр. 55), что система падежей развилась в активном классе, перешла на инертный класс. То же направление развития обнаружилось и в системе чисел. Наблюдения эти окажутся очень важными при рассмотрении системы падежей.

Традиционная реконструкция устанавливает для общеиндоевропейского языкового состояния те восемь падежей, которые засвидетельствованы древними индоиранскими языками: именительный (N), винительный (A), орудийный (творительный, инструментальный — I), дательный (D), родительный (G), отложительный (аблатив — Ab), местный (локатив — L) и звательный (V). Эта система падежей разворачивается по всем трем числам, хотя во множественном числе, а особенно в двойственном в течение всего доступного исследованию времени число дифференцированных падежных форм меньше, чем восемь, и одна и та же форма обслуживает два падежа или более. В дальнейшей истории языков эта система испытывает многочисленные редукции, приводящие к так называемому падежному синкретизму, к совмещению в значении одного падежа значений двух или трех прежде самостоятельных падежей.

Реконструкция восьмипадежной общеиндоевропейской падежной системы и концепция дальнейшего развития как ряда утрат представлялась солидно обоснованной. Открытие новых языков — тохарского, хеттского — могло только подтвердить эту реконструкцию. Тем не менее в последнее время высказываются другие мнения. Некоторые исследователи считают возможным предположить для общеиндоевропейского состояния более ограниченное количество падежей, например три — именительный, винительный и родительный¹⁰⁷ — или четыре, включая также и дательный.¹⁰⁸ Создание многопадежной системы интерпретируется при этом как явление, свойственное

¹⁰⁷ В. В. Иванов и В. Н. Топоров. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков, стр. 22.

¹⁰⁸ См. высказывания Э. А. Макаева в «Сравнительной грамматике германских языков» (т. III, М., 1963, стр. 296).

лишь определенным ареалам, или как результат независимого конвергентного развития в ряде языков.

Рассмотрим вопрос подробнее.

Восьмипадежная система прямо засвидетельствована в древнеиндийском, обоих древнеиранских (авестийском и древнеперсидском), а также в древнехеттском. Уже это последнее обстоятельство не позволяет локализовать рассматриваемую систему только в каком-либо одном из индоевропейских ареалов. В древнеармянском, гораздо позже документируемом, те же падежи с утратой звательного. Однако звательный, форма обращения с нулевым окончанием — глубокий архаизм, реликт дофлективного состояния; в большинстве ветвей он исчезает довольно поздно, но для споров о том, какой ступени развития достигла общеиндоевропейская падежная система, наличие или отсутствие дифференцированного V не играет роли. Очень интересен случай с тохарским языком, где при перестройке на «агглютинативное» склонение старый инструментальный распался на три падежа, не совершенно одинаковых в тох. А и тох. В, по в основе лежит та же восьмипадежная система, о которой идет речь. В балтийских и славянских языках семь падежей — не хватает только отложительного, функции которого выполняет родительный. Согласно младограмматической реконструкции, AbS также в общеиндоевропейский период совпадал с GS во всех основах, кроме тематических, где он имел особое окончание. Синкретизм G и Ab легко мог произойти. Однако характерно, что именно в тематических основах балтийские и славянские языки заменили древнюю индоевропейскую форму родительного падежа единственного числа формой, совпадающей с аблативной: старославянский род. п. ВЛЪКѦ, лит. *vilko* соответствуют аблативным арх. лат. *lupōd*, д.-и. *vfkāt*. Это можно было бы еще объяснить вместе с В. Ивановым и В. Топоровым, исходя из предположения об исконной недифференцированности G и Ab: в поисках обновления формы могли прибегнуть к наречию с аблативным значением, отвечавшим части функций падежа. Однако при этом предположении неясно, почему в индоиранском множественном числе форма отложительного падежа совпадает с (позднейшей) формой дательного, а не с формой родительного. Естественнее все же предположить также и в балтославянском синкретизм, слияние Ab и G в один падеж.

Греческий язык I тысячелетия до н. э. имеет пять падежей: N, V, A, D, G. По сравнению с восьмипадежной системой G совмещает в себе функции G и Ab, а D — функции D, I и L. Однако всегда было известно, что греческий язык содержит в своих наречиях и первых членах сращений инструментальные формы — $\alpha\alpha\rho\tau\eta$, $\acute{\eta}\rho\alpha\chi\eta$, $\acute{\epsilon}\pi\iota\sigma\chi\epsilon\rho\omega$, аблативы — дельф. $\Gamma\omicron\iota\kappa\omega$, $\tau\omicron\upsilon\tau\omega$, локативы — $\omicron\iota\chi\omicron\iota$, $\acute{\iota}\sigma\theta\rho\omicron\iota$, $\omicron\upsilon\delta\alpha\rho\mu\epsilon\acute{\iota}$, $\omicron\delta\omicron\iota\delta\acute{\omicron}\kappa\omicron\varsigma$, падежную форму на $-\phi\iota$.¹⁰⁹ Если же мы обратимся к ставшим недавно известными микенским текстам II тысячелетия до н. э., то мы найдем инструментальный падеж в живом употреблении, несомненные остатки былой дифференциации дательных и локативных форм и весьма вероятные следы особых аблативных форм, т. е. снова ту же восьмипадежную систему. В итальянских языках семь падежей: из восьмипадежной парадигмы отсутствует только инструментальный, значения которого совмещаются со значениями отложительного. Однако и от инструментального имеются следы. Наречный суффикс $\acute{e}$ не может восходить только к отложительному $-ed$ (мы имели бы в этом случае $*bened$) и $\acute{e}$ должно отражать также и окончание инструментального падежа на $-e$. Таким образом, из двенадцати хорошо известных ветвей индоевропейских семей девять приводят нас к восьмипадежной системе. Не только языки «восточного» ареала (индоиранские, армянский, греческий), но и хеттский и такие ясно выраженные языки «западного» ареала, как итальянские, согласно свидетельствуют в одном направлении.

Прочие ветви, хотя и не имеют ясных остатков всех восьми падежей, однако в большинстве случаев указывают на то, что число падежей было больше четырех. Единственный иллирийский язык, о падежной системе которого имеются данные, мессапский. Мессапские тексты кратки, однообразны и далеко не всегда понятны, тем не менее устанавливается отличие во множественном числе окончаний дательного падежа $-bas < *bhos$ и инструментального $-bis < *bhis$, а в единственном числе,

¹⁰⁹ В сочетаниях типа $\chi\epsilon\iota\rho\iota\ \delta\epsilon\acute{\xi}\iota\tau\epsilon\rho\acute{\eta}\phi\iota$ или $\kappa\rho\alpha\tau\epsilon\rho\acute{\eta}\phi\iota\ \beta\iota\tau\eta\phi\iota$ формы, образованные от прилагательных женского рода, согласованных с существительными, являются несомненно падежными. Рядом с этим есть и наречные формы па $-\phi\iota$. См.: И. М. Тронский. Образования на $-\phi\iota$ в гомеровском эпосе. В кн.: *Eirene*, Прага, 1960, стр. 37—50.

по-видимому, различие форм *vastei* и *vasti* как дательного и противостоящего ему местного падежа. В германских языках, кроме N, A, G, D, имеется звательный падеж в готском и инструментальный в древневерхненемецком и древнесаксонском. Рассматривать их как ареальное новообразование части германских языков нет оснований. Остается одна кельтская ветвь.¹¹⁰ Все представители ее, кроме древнеирландского, вообще утратили падежи. В древнеирландском имеются N, V, A, D, G. Для предположения об исконной четырехпадежной системе, не считая зательного, он мог бы быть единственным свидетелем, но странно было бы опираться на этот единственный случай, когда речь идет о ветви языков, находящейся на пути к полному устранению именной флексии и засвидетельствованной лишь с V в. н. э., когда такие языки, как греческий и латинский, уже редуцировали свою былую многопадежность до того самого уровня, на котором находится древнеирландский.

Обзор всех ветвей показал нам, что традиционная реконструкция восьмипадежной системы как общеиндоевропейской должна, по-видимому, остаться в силе. Из восьми падежей только отложительный дает некоторые основания для скепсиса, но и они не могут быть признаны достаточными.

Надлежит обратить внимание на единство индоевропейской падежной системы также и в семантическом отношении. По всем ветвям падежная система обнимает единую совокупность значений, лишь по-разному распределяемую между падежами в зависимости от их числа. Если исходить из общеиндоевропейской малопадежной системы, самостоятельно возраставшей по разным ветвям, то непонятно было бы, почему повсюду процесс дифференциации падежей приводил к выделению именно инструменталиса, локатива, вокатива и т. п. Сравнение с неиндоевропейскими языками показывает, что возможно создание совершенно других падежей, и это говорит против предположения о позднейшей дифференциации конкретной (пространственной и т. д.) части индоевропейской системы. Что же касается до распределения значений

¹¹⁰ Я не ссылаюсь на факты албанского языка, поздно засвидетельствованные, являющие слишком много отклонений от древнего типа. Однако и в албанской падежной системе имеются остатки отложительного и местного падежей.

между падежами, то элементы восьмипадежной системы являются своего рода «атомами», из синтезирования которых получаются падежные значения в тех системах, где число падежей меньше восьми. Гипотеза редукции систем в порядке падежного синкретизма вполне оправдывается в семантическом отношении и в огромном большинстве случаев подтверждается с формальной стороны наличием остатков форм слившихся падежей внутри синкретического.

Все эти соображения позволяют ввести восьмипадежную систему в ближнюю реконструкцию общеиндоевропейского языкового состояния.

Поскольку речь идет не об отдельных языках, а о реконструкции, значения отдельных падежей восьмипадежной системы могут быть определяемы только абстрактно. Для падежей, рассматриваемых изолированно, вне системы, значения эти устанавливались уже младограмматиками (Б. Дельбрюк и др.). Момент системности был впервые введен в исследование падежных значений Р. О. Якобсоном на материале русского языка.¹¹¹ Его метод был затем применен В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым по отношению к древнеиндийскому¹¹² и В. В. Ивановым в его уже упоминавшейся монографии о хеттском языке.

Исследуя систему значений индоевропейских падежей, можно исключить из рассмотрения звательный падеж как форму обращения, не выражающую отношения имени в этой падежной форме к другим членам предложения. Далее, поскольку, как мы видели, падежная система развилась сперва в сфере имен активного класса, имен действительных, мы будем исходить из значений падежей при глагольном предикате, выражающем действие. Для падежных значений при предикате, выражающем состояние, наши формулировки пришлось бы дополнить, но это не играет роли в настоящем рассмотрении вопроса.

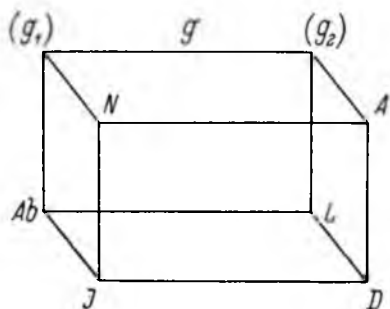
Оппозиции падежей индоевропейской семипадежной системы (не считая звательного) можно распределить по трем координатам и соответственно наглядно изобразить

---

¹¹¹ R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen d. russischen Kasus. Travaux du Cercle linguistique de Prague, t. 6, 1936, стр. 240—288.

¹¹² В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Санскрит. М., 1960.

зять в форме параллелепипеда. Возьмем при этом русское предложение: «Друг отца на рассвете написал из Москвы карандашом письмо брату». Оно содержит все нужные нам падежи, если приравнять предложное сочетание «из Москвы» к отложительному падежу. В предложении этом можно сразу же выделить группу падежей, которыми выражены предметы, непосредственно участвующие в содержании высказываемого действия как действователи и объекты: друг... написал... карандашом письмо брату.

Остальные упомянутые предметы — отец, рассвет, Москва — находятся в некотором отношении к содержанию действия, не будучи охвачены им полностью; они затронуты действием, но вместе с тем распространяются за его пределы. Падежи $G\ Ab\ L$ противостоят падежам $N\ I\ A\ D$ по признаку неполной охваченности, периферийности, экзоцентричности.¹¹³ На грани $G\ Ab\ L$ расположены падежи, маркированные признаком экзоцентричности, а на противоположной грани — $N\ I\ A\ D$, у которых признак экзоцентричности отсутствует.

N и A противостоят друг другу как субъект и объект действия. Действие «исходит» от субъекта и «переходит» на объект. Но не следует говорить о «направленности» как признаке винительного падежа. Направленность — стрелка, вектор, а винительный падеж указывает на неподвижность. Векторность может быть выражена глагольным предикатом, контекстом, но не A как таковым. Действие пребывает в объекте, выявляется в нем. В отличие от субъекта, источника действия, который от действия в языке отделен в силу двучленного строения предло-

_____

¹¹³ Р. Якобсон, а вслед за ним В. Иванов и В. Топоров вкладывают в признак периферийной части другое значение, выделяя на его основании те падежи, которые у нас будут обозначены как падежи соучастия. Во избежание терминологической путаницы мы не будем пользоваться термином «периферийность» и назовем $G\ Ab\ L$ экзоцентрическими падежами.

жения, объект в индоевропейских языках составляет единое целое с действием, его неотчуждаемую, но бездеятельную принадлежность. При глаголах движения N обозначает источник движения, А — опять-таки не его направленность, а нечто недвижно покоящееся, конечный пункт движения, или комплексивно — меру его протяженности в пространстве или времени (винительный протяжения). Но N выступает в качестве независимого члена предложения, не указывая на связи имени с другими словами. В оппозиции N—А маркированным членом служит А по признаку объектности (отсутствия движения).

Падеж I тоже служит для обозначения действующего, только не главного, а дополнительного действующего. При одушевленном имени это будет соучастник действия (социативное значение I), при неодушевленном — орудийное (в нашем примере — *карандашом*) или значение сопутствующего обстоятельства. I противостоит N по признаку соучастия. В таком же отношении стоит D к А, обозначая второй, дополнительный объект, чаще всего адресата действия или заинтересованного свидетеля действия, однако не действующего.¹¹⁴ Падежи соучастия I D образуют на грани N I A D «вторые» субъектно-объектные падежи.

На грани экзоцентрических падежей G A b L родительный падеж (G) совмещает в себе позиции субъекта и объекта по отношению к тому слову, при котором он находится, — родительный падеж субъекта (*subiectivus*) и объекта (*objectivus*). К позиции субъекта примыкают такие значения, как родительный принадлежности (*possessivus*), целого (*quantitatis*) и т. п.; к позиции объекта —

¹¹⁴ При глаголах состояния дательный падеж может относиться к сопереживающему лицу — дательный сопереживания, *Dativus sympatheticus*, согласно В. Гаверсу (W. Havers. Untersuchungen zur Kasussyntax d. indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1911 (Untersuchungen zur indogermanischen Sprach- u. Kulturwissenschaft, 3)) — лат. *caput mihi dolet* 'у меня болит голова'. Последовательность системы требовала бы, чтобы основной субъект состояния ставился в винительном падеже и падеж субъекта состояния был бы равен падежу объекта действия. На эту роль дательного падежа при глаголах состояния можно ссылаться как на довод в пользу сравнительно позднего приравнения падежа субъекта состояния падежу субъекта действия и тем самым в пользу наличия следов доминативного строя в системе значений индоевропейских падежей.

приглагольное употребление родительного падежа, которое в индоевропейское время было, очевидно, значительно более распространено, чем в исторических языках (многочисленные пережитки в греческом и славянских). Родительный падеж выражает самые различные отношения экзоцентрических предметов к содержанию высказывания, в том числе и пространственно-временные сопутствующие обстоятельства, например греч. *υχτες* 'ночью'; *ερωταται περὶ οὐ*. Маркируются эти пространственно-временные сопутствующие обстоятельства в экзоцентрических падежах соучастия Ab и L , противостоящих друг другу по схеме «отправная точка движения — покой», соответствующей противопоставлению деятеля и бездеятельности.

Таким образом, грань $I\ Ab\ L\ D$ содержит падежи соучастия (сопутствующих обстоятельств), которым противостоят основные субъектно-объектные падежи на грани $Ng\ A$.

Грань $Ng\ Ab\ I$ содержит падежи действителя (отправной точки), грань $A\ G\ L\ D$ — падежи объекта (отсутствия движения).

Падежи, противостоящие друг другу по одному из трех признаков, часто имеют общую сферу употребления благодаря нейтрализации маркированного и немаркированного, одушевленного и неодушевленного и т. д.

Нейтрализация эта является одной из предпосылок, хотя и не единственной, для падежного синкретизма. Весьма важно отметить, что синкретизм обычно происходит по ребрам нашего параллелепипеда. Сливаются падежи, находящиеся на противоположных вершинах ребра.¹¹⁵ Так, в новохеттском совместились L и D , в балтославянских Ab и G , в греческом $L\ D\ I$, а также $Ab\ G$, в итальянских Ab и I , в латинском L , Ab и I и т. д. При четырехпадежной системе (германская, кельтская) падежи соучастия стянулись в один падеж.

В вопрос о движущих силах редукции в истории отдельных ветвей мы входить не будем.

Восьмипадежная система должна, разумеется, иметь свою историю, воссоздание которой составляет одну

¹¹⁵ Имется в виду синкретизм падежной системы, а не совпадение отдельных форм, которые очень часто происходят по другим причинам — фонетическим и т. д.

из проблем дальней реконструкции общеиндоевропейского языкового состояния.

Судя по тому, что во всей дальнейшей истории индоевропейских языков наблюдается сокращение числа падежей, нет ничего невозможного в предположении, что их было некогда больше восьми и что какие-нибудь падежи слились еще в общеиндоевропейский период или оказались устраненными в процессе развития всех ветвей еще до первых памятников. Высказывалась, например, мысль, что в индоевропейском винительном слились два падежа — один объектный, а другой пространственный. Решающих доводов в пользу этого предположения нет. При предложенном выше понимании восьмипадежной системы открывается возможность истолкования индоевропейского родительного как синкретического падежа, в котором слились один субъектный и один объектный падеж. К некоторым морфологическим следам двойственного происхождения индоевропейского родительного падежа мы еще вернемся.

С возможностью существования бесследно исчезнувших падежей следует считаться, но при реконструкции приходится исходить из того, что есть. В наличных падежах, в особенности в их формах, можно обнаружить слои различной глубины.

Древнейший атематический тип индоевропейского склонения построен на противопоставлении «сильных» падежей с ударением на основе и сильной ступенью чередования в ней и «слабых» падежей с ударением на окончании в окситонных основах и слабой ступенью чередования. К группе «сильных» и «слабых» падежей относятся все падежи единственного числа, в двойственном *NVA* и *GL*, во множественном *NV*, *A* и *G*. Прочие формы двойственного (*J D Ab* — д.-и. *-bhyām*) и множественного (*I* — д.-и. *-bhih*, *D Ab* — д.-и. *-bhyah*, *L* — д.-и. *-su*), так называемые «средние» падежи, не участвуют в этом противопоставлении. Они сходны со «слабыми» падежами в ступени чередования гласного основы, но отличаются местом ударения. Так, древнеиндийские более чем односложные окситонные основы имеют в «средних» падежах ударение на основе, что является при слабой ее ступени более поздним типом. В древнейших памятниках древнеиндийского языка окончания «средних» падежей бываю́т отделены от склоняемого слова, являясь как бы само-

стоятельными послелогоми. Ю. Курилович привел целую систему доводов ¹¹⁶ в пользу более позднего вхождения этих падежных форм в парадигму склонения. Это главным образом те формы, которые содержат элемент **-bh-* в одних языках (индоиранские, италийские, кельтские, армянский, греческий) и **-m-* в других (славянские, балтийские, германские). При этом во многих языках — греческом, италийских, кельтских, германских — формы эти не имеют дифференциации падежных значений: греч. *-φι*, лат. *-bus* < и.-е. **-bhos*, д.-ирл. *-ib* < и.-е. **-bhis*, общегерманская форма с консонантизмом *mz* обслуживают все падежи соучастия (D I Ab L). Вокализм этих форм в разных ветвях сходен, но не тождествен. Эта недифференцированность падежных значений отражает, по-видимому, исконное состояние, модифицированное в восточных языках присоединением различных гласных и согласных элементов, неодинаковых в разных ветвях, в порядке позднейшей дифференциации падежных форм. Очевидно, элементом **-bh-/*-m-* характеризовался некий суффикс наречного типа, лишь впоследствии введенный в парадигму склонения. Это подтверждается хеттским языком, который имеет падежные формы, дифференцированные по числам только в NA и отчасти в G. Очевидно, к общеиндоевропейской эпохе можно отнести дифференциацию падежных форм по числам только для группы N A G, которая выше была охарактеризована как группа основных субъектно-объектных падежей. Только для этих падежей надлежит вводить в ближнюю реконструкцию особые формы во множественном и двойственном числе. Это, собственно говоря, единственная необходимая поправка к младограмматической реконструкции индоевропейской падежной системы. В прочих падежах числовая дифференциация создавалась позже, самостоятельно в отдельных диалектных группах, главным образом в порядке введения наречных форм в парадигму склонения. Их не хватало. Это создавало омонимию форм типа латинского *-bus*. Даже те языки восточной группы, которые создали ряд модификаций наречного суффикса **-bh-*, не устранили полностью формальной омонимии. Она осталась в совпадении D и Ab множественного числа в индоиранских языках.

¹¹⁶ J. K u r y ł o w i c z. Etudes indoeuropéennes. . . , стр. 165—168; ср.: The inflectional categories. . . , стр. 201.

Этот поздний слой падежных форм затрагивает не самое возникновение восьмипадежной системы, а только ее распространение по числам, хотя элемент **-bh-* мы находим иногда и в инструменталисе единственного числа, но наряду с другими формами более древнего происхождения.

Поскольку склонение развилось в активном классе имен в связи с выражением субъектно-объектных отношений, естественно думать, что основные субъектно-объектные падежи N A G создались раньше падежей соучастия I D Ab L. То, что эти последние распространились на множественное и двойственное число позже, чем N A G, тоже свидетельствует в пользу этого предположения. Исследователи, ставившие перед собой проблему стратификации падежей, часто приходят к этому выводу.¹¹⁷ Ю. Курилович в связи с этим замечает, что аблаутная форма корня или суффикса именной основы в «слабых» падежах характерна для деривации, и считает вероятным, что «слабые» падежи по своему происхождению являются отыменными наречиями.¹¹⁸ Однако весьма возможно, что во многих случаях дело идет не о наречиях, а о производных образованиях другого типа. Если мы обратимся к форме I единственного числа и отвлечемся при этом от образований адвербиального происхождения на **-bh-/ *-m-*, свойственных немногим языкам (армянский, мужской и средний род в балтославянских языках) и проникших, быть может, из множественного числа, то при основах на *o, e, i, u* мы найдем I S на *ō, ē, ī, ū*, одинаковый с N Du *mf.* Очень возможно также, что согласные основы имели инструментальный падеж на **-e*, сохранившийся в латинском окончании *-e* аблатива согласных основ; ср. греч. N Du *πατέρε*. На это совпадение инструментального падежа с двойственным числом обратил в свое время внимание Э. Леви.¹¹⁹ Семантический ход, обусловивший адаптацию N Du к I S, совершенно ясен: *друг написал карандашом* < *друг написал — карандаш* в паре (с ним). Леви привел ряд типологических параллелей из угро-

¹¹⁷ W. P. Lehmann. On earlier stages of the indoeuropean nominal inflection. Language, v. 34, 1958, стр. 179—202; J. Kurýřłowicz. The inflectional categories. . ., стр. 196.

¹¹⁸ Там же, стр. 197.

¹¹⁹ E. Lewy. Zum Dual u. zum Tocharischen. Zeitschrift für vergleich. Sprachforschung, Bd. 45, 1913, стр. 365—368.

финских языков, где двойственному числу одного языка соответствует в параллельном предложении инструментальный падеж другого языка.

Если это так, индоевропейское окончание локатива *-i может быть сопоставлено с N Du среднего рода *-i, более древним, чем *-i.¹²⁰ Семантический ход мог бы быть таким же, как в инструменталисе: *друг на рассвете написал* < *друг—рассвет* в паре (с ним) — *написал*, но здесь не может идти речь об использовании формы N Du, в которой основа имеет нулевую ступень, в то время как в локативе полная ступень. Конечный элемент *-i, служивший, надо думать, одним из суффиксов собирательных имен, был присоединен к форме локатива с нулевой флексией: *ahan* 'днем' и *ahani*, *udan* 'в воде' и *udani*.

Окончание D S *-ei лучше всего понимать как присоединение *-i к окончанию *-e. Формы на *-e, восходящие к N Du mf, могли обозначать второй предмет высказывания независимо от того, был ли он действителем или объектом. Впоследствии дательный падеж был дифференцирован от инструментального прибавлением локативного *-i.¹²¹

Вопрос о происхождении форм отложительного падежа неясен.¹²²

Древнейший слой склонения — N A G единственного числа. Естественно, что о происхождении этих падежей и соотношении их друг с другом возможны только гипотезы.

¹²⁰ К. В r u g m a n n. Grundriss d. vergleichenden Grammatik d. indogermanischen Sprachen. II, 2, 1909, стр. 203.

¹²¹ С возможностью единой формы на *-e для дательного и инструментального падежей считается и Ю. Курилович (The inflectional categories. . ., стр. 197), но, согласно его реконструкции, эта форма служила и для отложительного падежа.

¹²² Невозможно, однако, согласиться с Ю. Куриловичем, который считает тождество Ab = G, проявляющееся в равенстве форм единственного числа этих падежей от всех нетематических основ, исконным. По мнению Куриловича, лишь создание окончания *-ōi для местоименных и именных тематических основ отделило отложительный падеж от родительного. При таком предположении невозможно объяснить совпадение Ab во множественном числе с D, а в двойственном числе с D1, когда в обоих случаях для аблативных значений могла быть использована исконная форма родительного падежа. Уже скорее можно принять толкование Э. Бенвениста. Он исходит из хеттского -z, которое в других ветвях перешло в -s, что привело к совпадению форм отложительного и родительного падежей. Однако и эта гипотеза имеет свои трудности.

В именах активного класса показателем А служит *-m, которому противостоит в N чаще всего *-s.¹²³ Родительный падеж тоже имеет окончание *-s, отличаясь, однако, от именительного тем, что N принадлежит к «сильным» падежам, а G — к «слабым».

Многие со времен Бонна приписывали номинативному *-s местоименное происхождение. Однако заслуживает внимания предложение Н. Ван-Вейка¹²⁴ о генетической связи между окончаниями *-s в N и G. Исследователь предполагал при этом, что и N, и G восходят к некоему «активному» падежу (термин Уленбека), под которым понимался падеж действителя в эргативной конструкции. Хеттский язык поставил лингвистов перед новым обстоятельством: наряду с окончанием *-s родительный падеж имеет также окончание *m (хет. -n). В этой связи форма родительного падежа тематических основ на -y в кипрском диалекте греческого языка¹²⁵ перестала быть изолированной. Морфологическая дублетность флексии родительного падежа, ее совпадение с формами как N, так и A, укрепляет позицию Ван-Вейка, дополняя ее предположением о тесной генетической связи G не только с N, но и с A. Это вводит нас в круг вопросов о происхождении именительного и винительного падежа, связанных с предположением о былом строе индоевропейских языков, отличном от позднейшего номинативного.

Не ставя этого вопроса во всем объеме, ограничимся в данной связи напоминанием о гипотезе, высказанной некогда Г. Педерсеном.¹²⁶ Он предполагал, что в некий доисторический период при непереходных глаголах субъект ставился в основной форме, функционировавшей также как объект; при переходных глаголах объект в это

¹²³ Мы не рассматриваем N с нулевым окончанием, связанного с вопросом об удлинненной ступени. В именах на *-ā отсутствие показателя *-s — остаток их былой принадлежности к инертному классу.

¹²⁴ N. van Wijk. D. nominale Genetiv Singular im Indogermanischen in seinem Verhältnis zum Nominativ. Zwolle, 1902.

¹²⁵ В кипрском силлабическом письме -o-ne, где -e — графическое. Прибавим, что *-ons, к которому возводятся некоторые старославянские окончания родительного падежа (ст.-сл. *доуша* и т. п.), проще всего объяснять как контаминацию обоих показателей *-m и *-s.

¹²⁶ H. Pedersen. Neues und nachträgliches. Zeitschrift für vergleich. Sprachforschung, Bd. 40, 1907, 129—217, особенно стр. 148—157.

время ставился в основной форме, а субъект в родительном падеже, если могла идти речь о его деятельности. Предложение «брат убивает зверя» выражалось тогда как «брата звероубиение». При этом родительный падеж субъекта должен толковаться как родительный принадлежности. Постепенно родительный падеж субъекта (активный падеж) дифференцировался от родительного в его прочих применениях с помощью различия в ударении и морфологических новообразований. С развитием самостоятельного активного падежа сфера его употребления расширилась, и он функционировал как подлежащее также и при непереходных глаголах.¹²⁷

Когда эти строки писались, родительный падеж на **-m* был еще неизвестен. Соображения Педерсена должны быть дополнены. Показатель действителя **-s* и показатель объекта **-m* были свойственны, по-видимому, двум видам родительного падежа (G_1 и G_2 нашего параллелепипеда), имея то же происхождение, что показатели N и A . С дифференциацией, отделившей G от N и A , эти два падежа слились в едином G . Основным показателем осталось окончание **-s*, а его дублет **-m*, кое-где сохранившийся и в единственном числе, был оттеснен во множественное (**-om*).

Дальняя реконструкция падежной флексии сливается с более широким вопросом — дальней реконструкцией всего строя индоевропейских языков.

К вопросу о категориях индоевропейской глагольной флексии

Реконструкция общеиндоевропейского глагольного строя — труднейшая область сравнительной грамматики индоевропейских языков.

В древних индоевропейских языках глагол зачастую представляет собой очень сложную систему, развертывающуюся по ряду категорий — залоговых, видовременных, модальных, не говоря уже о лице и числе, и притом в каждом языке особую. Число форм, которые могут быть образованы от одного глагола, достигает порой нескольких

---

¹²⁷ Там же, стр. 152. У самого Г. Педерсена гипотеза эта сопровождается рядом дополнительных предположений, которые нами устранимы.

сот. Картина глагольной флексии, взятой в сравнительном плане, радикально отличается от тех соотношений, которые мы встретили в области именного словоизменения. Склонение в разных языках дифференцировалось преимущественно количеством падежей. Могло быть два числа, а не три, два рода вместо трех или полное отсутствие родовых различий. Как мы видели, эти отличия возникали только путем редукции. Совокупность значений, выражаемых формами словоизменения, оставалась в общем одинаковой. Радикальных изменений системы не происходило в период, отделяющий общеиндоевропейское языковое состояние от древнейших памятников отдельных ветвей. Ближняя реконструкция поэтому была сравнительно легко осуществима.

Совершенно не то в глаголе. Глагольные системы большинства древних индоевропейских языков отличаются от именного склонения гораздо меньшей целостностью. В склонении двуосновность, гетероклисия представляет собой в исторических языках сравнительно редкое явление. В глагольном спряжении бывают соединены многочисленные основы, происходящие от общего корня, — а в иных случаях и неоднокоренные, супплетивные, — совершенно нерегулярным путем. Дальнейшее развитие языков характеризуется внесением в глагольное формоизменение все большего единообразия, но это длительный процесс, ни в одном языке не доведенный до конца. При этом в истории тех глагольных систем, за которыми можно следить в течение многих столетий, постоянно наблюдается развитие новых категорий и смена форм, и притом нередко с бесследным исчезновением былых подсистем. В качестве примера достаточно сравнить глагольные системы романских языков с латинским в отношении пассива. Флективные формы латинского медиопассивного инфекта в романских языках вымерли и заменены двумя сериями аналитических форм, из которых одна имеет пассивное значение, а другая возвратное. Далее, романские языки редуцировали времена субъюнктива и создали новое наклонение — условное.

Не приходится сомневаться в том, что в каждой из индоевропейских ветвей глагольная система изменилась в промежуток времени между самостоятельным выделением этой ветви и древнейшими памятниками. Прямое проецирование глагольной системы некоего исторического

языка в праязыковое состояние, как это имело место с восьмипадежной именной системой, в глаголе невысказано. Перед исследователем возникают два трудных вопроса. Оба они относятся к проблематике ближней реконструкции.

Какова бы ни была ближняя реконструкция, относящаяся к IV—III тысячелетию до н. э., она должна предполагать более или менее развитую глагольную систему, соответствующую тому уровню языка и мышления, который обнаружился в развитой падежной системе. Она неизбежно должна заключать в себе элементы, которые в тех или иных ветвях оставили лишь следы или даже совершенно исчезли. Исследователь заранее должен быть готов к констатации в отдельных ветвях утрат, даже таких, которые не оставили после себя никаких пережитков. Для каждой такой ветви реконструкция прошлого, не подтверждаемого реальными следами, неизбежно становится более гипотетической. Но чем гипотетичнее реконструкция, тем более возрастает многообразие ее возможностей, тем более она теряет однозначный характер. Исходя из разных языков, можно по-разному реконструировать общеиндоевропейское состояние и по-разному рисовать себе развитие отдельных ветвей от этого предполагаемого состояния к исторически засвидетельствованным системам. С другой стороны, неясен вопрос, какое состояние мы собираемся реконструировать. Очень возможно, что в области глагола диалектное разнообразие индоевропейских языков IV—III тысячелетия до н. э. было более значительно, чем в сфере имени.¹²⁸ Тогда сколько-нибудь единообразная ближняя реконструкция, основанная на сравнении языков, становится беспредметной. Для этого периода при таком предположении можно пытаться только воссоздавать некоторые ареальные реконструкции, отличные между собой. Единообразная реконструкция этим не снимается, но переносится в более далекое прошлое, не синхронное, быть может, с реконструируемой именной системой. Как это ни парадоксально звучит, проблемы дальней реконструкции индоевропейской глагольной системы нередко разрешаются легче и бесспорнее, чем во-

---

¹²⁸ Ср.: R. Birge. Griechisch-arische Sprachbeziehungen im Verbalsystem. Walldorf—Hessen, 1956; Т. Я. Елизаренкова. Аорист в «Ригведе». М., 1960, стр. 14—16.

просы, связанные с уровнем развития глагола в период начинающегося распада индоевропейской общности.

Младограмматическая реконструкция была основана на согласном свидетельстве двух языков, к которым относились древнейшие известные в XIX в. памятники индоевропейской речи, — древнеиндийского и греческого. Консервативность этих двух языков, лучшее сохранение в них ряда черт общеиндоевропейского языкового состояния, чем в других языках, обнаружилось в их значении для воссоздания общеиндоевропейского звукового строя и состояния именной системы. Позволительно было думать, что греческий и санскрит наилучшим образом сохраняют некий праиндоевропейский морфологический тип, и соответственно относиться с доверием к сохранности глагольной системы, в этих языках очень сходной. Дальнейшее развитие глагола в индоевропейских языках представлялось в виде последовательных утрат и замен точно так же, как это было с именной системой и как это имело место в развитии глагола индоевропейских языков в историческое время. История именной и глагольной флексий смыкалась в младограмматической реконструкции, образуя однотипный процесс. Кроме того, приняв санскрит и греческий за опорные языки для ближней реконструкции, удавалось обнаружить в других ветвях более или менее ясные следы тех морфологических образований, которые в целом приходилось считать утраченными в этих ветвях. Получалось всесторонне обоснованное научное построение, которое большинство исследователей продолжает считать правильным по настоящий день. К другим достоинствам этой реконструкции, которых ее авторы, может быть, и не подозревали, мы еще вернемся.

Из новых языков, ставших известными в XX в., тохарский уложился в младограмматическую гипотезу. Гораздо сложнее оказалось с хеттским. С точки зрения флективной морфологии хеттский глагол являет гораздо более простую систему, чем греческий или древнеиндийский: два времени — настоящее и претерит, два наклонения — изъявительное и повелительное, два залога — актив и медиопассив. Однако те грамматические оппозиции, для которых служат греческая или древнеиндийская видо-временная и модальная системы, могут быть выражены и в хеттском, но другими средствами — при помощи производных глаголов и многообразных аналитических форм-

Одни исследователи считали флективную часть хеттской глагольной системы глубоким архаизмом, документом, если не самых начал, то очень раннего состояния глагольной системы индоевропейских языков. Другие видели в ней результат редукции более сложной системы, свидетельство о поздней, а не ранней ступени истории глагола.

На первой точке зрения стоит испанский языковед Ф. Родригес-Адрадос. Его обширный труд «Развитие и структура индоевропейского глагола»¹²⁹ содержит попытку коренного пересмотра проблемы глагольной реконструкции исходя из представлений об архаическом характере хеттской системы. В связи с этим автор дает краткие очерки процессов развития глагола по отдельным ветвям. Нельзя не согласиться с тем, что без такого исследования отдельных ветвей невозможно обосновать новую реконструкцию. Но нужны не краткие очерки, а серьезные исследования. Это, разумеется, не в упрек автору, который не мог объять столь огромного материала в одном томе и не может являться специалистом по всем ветвям в равной мере. Но пока этих исследований, проведенных с новой точки зрения, нет, нельзя иметь окончательное мнение о новой реконструкции.

Целью последующих страниц является поэтому лишь краткое рассмотрение некоторых вопросов. В детали мы, как правило, не будем входить.

Идея приоритета хеттской глагольной системы с самого начала возбуждает известные сомнения. Если исходить из нее, то надо считать, что видовая система с противопоставлением презенса, аориста и перфекта, система наклонений с конъюнктивом и оптативом, в сущности даже различие между тематическим и нетематическим спряжением возникли после отделения хеттского языка от прочих индоевропейских. Между тем все эти явления проникли настолько глубоко в структуру индоевропейского глагола во всех прочих ветвях, что на развитие их понадобились бы многие столетия в период еще мало нарушенного контакта между отдельными индоевропейскими диалектами. Возникает тот же вопрос, с которым мы встретились при рассмотрении хеттской родовой сис-

---

¹²⁹ F. Rodríguez-Adrados. Evolucion y estructura del verbo indoeuropeo. Madrid, 1963 (Manuales y anejos de «Emerita», XXI).

темы (стр. 59). Хеттский язык оказывается при этом предположении в таком отношении к другим индоевропейским, что скорее справедлива индо-хеттская гипотеза Э. Стёртеванта, чем обычные представления об отделении хеттского во второй половине III тысячелетия. А если хеттский отделился значительно раньше, то становится маловероятным, что он сохранил свою глагольную систему неизменной до времени древнехеттских текстов и что можно доверять его свидетельству об отдаленном прошлом. То обстоятельство, что в хеттском глагольное словоизменение построено на основе настоящего времени, а не на корне, свидетельствует скорее о радикальной перестройке глагольной системы, а не об ее архаичности.

В языках постоянно происходит процесс обновления форм. Если языковед, обнаруживая формы, принадлежащие к поздним пластам, исключает из протомодели не только эти формы, но и обслуживаемые ими категории, то такие приемы работы влекут за собой серьезную опасность искажения действительности.

Наконец, еще одно замечание общего порядка. Исследователь, признающий причинность в процессе языкового развития, всегда будет обращать особое внимание на повторяемость явлений, на действие одинаковых законов в истории языков вообще, генетически родственных языков в особенности. Рассматривая всю историю индоевропейских языков от реконструируемого общего состояния до наших дней, мы наблюдаем при всем разнообразии подробностей некоторые единые линии развития. Сравнительно-исторический метод являет собой мощное средство показа единства этих путей в дописьменную эпоху. Апеллируя от истории одного языка к истории другого, мы в отдельных случаях рискуем преувеличить это единство в подробностях, «навязать» истории одного языка черты, которые никогда в этом языке не были, а имелись в другом языке. Однако это будет ошибка неизмеримо меньшего значения, чем если мы будем считать языки абсолютно индивидуальными явлениями, развивающимися каждый раз совершенно особенными путями. Призыв к предпочтению «внутренней реконструкции» сравнительно-историческому методу в своих методологических основах смыкается с концепциями Тарда, Шухардта, Кроче, итальянских «неолингвистов», — со всеми теми направлениями, которые исходят из единичности и неповторимости всякого

сложного культурного творчества и в сходстве изучаемых явлений усматривают только результат диффузии, иррадиации из единого центра на обширный ареал. В истории языков такие явления бывают, но играют ли они ведущую роль?

Во всех древних индоевропейских языках, засвидетельствованных во II и I тысячелетиях до н. э., — в хеттском, индоиранских, греческом, латинском и др., — мы находим залоговые противопоставления, выраженные различными сериями личных окончаний. Эти различия мы находим также в кельтских, на древнейшей ступени германских языков. Древнеиндийский и греческий различают три залога — актив, медий и пассив. Однако в большинстве ветвей морфологически дифференцированы только два залога — актив и медиопассив. При этом создание специальных форм для пассива в греческом и санскрите представляет собой явное новообразование. Особой серии личных окончаний пассив не имеет также и в этих языках. Пассивные значения медиа развиваются только со временем. Так, в гомеровском языке пассив находится еще на раннем этапе своего становления. Трехчленная пассивная конструкция, служащая для трансформации активной (рабочие строят дом — дом строится рабочими), с указанием агента действия при пассивном глаголе, в это время еще не существует. В архаической латыни пассивная конструкция с агентом действия получила развитие лишь в аналитических формах системы перфекта и очень редко встречается при старых медиальных формах инфекта. К общеиндоевропейскому состоянию можно отнести только дифференциацию актива и медиа.¹³⁰ Медий обозначает особое отношение между глагольным действием и его субъектом, близкое ко многим значениям русского «средневозвратного» на -ся, который, по обычному (надо думать, справедливому) мнению, заменил собой древний медий. Он имеет во всех древних языках два основных значения. Одно — непереходное (греч. φέρω 'несу' — медий φέρομαι 'несусь', т. е. 'спешу'), а другое — значение

¹³⁰ См.: А. Н. Савченко. Происхождение среднего залога. Ростов, 1960; М. М. Гухман. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964; J. Gonda. Reflections on the Indo-European Medium. *Lingua*, v. IX, 1960, стр. 30—67.

действия, которое не только производится субъектом, но и возвращается к нему, происходит в его пользу или во вред ему (λῶσθ 'мою', λῶομαι 'моюсь' или 'мою себе что-нибудь') и т. п. В синхронном плане значения эти могут рассматриваться как подвиды некоего более общего значения: субъект медиального глагола мыслится внутри глагольного процесса в отличие от положения дела при активном глаголе, где субъект отделен от глагольного процесса (см. стр. 74).¹³¹ Но с исторической точки зрения объединение непереходного значения со значением действия, возвращающегося к субъекту, требует истолкования.

Интересно отметить, что глагольный процесс, обозначаемый медием, связан со специфическим субъектом. Исследователи гомеровского языка обращали внимание на то, что подлежащим медиального глагола обычно является лицо или неотчуждаемая принадлежность лица — части тела, голос и т. д. То же имеет место в древнеиндийском языке, где вообще преобладает значение медиа как действия в пользу субъекта. Депоментные *media tantum* также обозначают в первую очередь состояния, чувства, умственные операции, передвижение тела в пространстве, жизненные процессы и т. п. Они выражают состояние субъекта, но принадлежащего к активному классу или тесно связанного с ним.

Для происхождения категории медиа очень важна генетическая связь его личных окончаний с окончаниями перфекта, а также с хеттским спряжением на *-hi*. Вопрос этот окончательно прояснен Ю. Куриловичем, истолковавшим глаголы на *-hi* как депоментные по их происхождению.¹³² В личных окончаниях древнейшей серией являются формативы единственного числа и 3-го лица множественного. Окончания индоевропейского перфекта, равно как и медиопассива, восходят к серии, отраженной древнеиндийскими перфектными окончаниями *-a*, *-tha*, *-a* в единственном числе, которым соответствуют греческие *-α*, *-θα*, *-ε*, и 3-го л. мн. ч. д.-п. *-uh* < *-ur*, пр. *-ar* < **-r*. Эта же серия имеет в хеттском формы *-ha*, *-ta*, *-a*, пред-

¹³¹ E. Benveniste. Actif et moyen dans le verbe. Grammaire et psychologie. Numéro spécial du «Journal de psychologie», 1950, стр. 119.

¹³² J. Kurjłowicz. The inflectional categories. . . , стр. 56—89.

ставленные в медиопассиве и в претерите спряжения глаголов на *-hi*. Очень возможно, что эти окончания восходят к еще более древней серии **-ə* (ϱ_2 Куриловича), *-t*, *ноль*. Настоящее время глаголов на *-hi* с окончаниями *-hi*, *-ti*, *-i* обновлено конечным элементом *-i*, характерным для настоящего времени активной серии. Элемент *-r* или *-ri* равным образом окрашивает медиальные окончания в разных языках.

Перфект сам по себе в древнее время был безразличен к противопоставлению актив—медий, что сохранилось в тех языках, где позднейшие медиопассивные системы перфекта образуются аналитическим путем. Синтетические формы медиопассивного перфекта в греческом и индоиранском — новообразования. Вместе с тем перфект в системе форм отдельных глаголов нередко соотносится с медиальным настоящим временем — *βερκομαι—βεβορκα*. Семантическая связь дана тем, что основной функцией перфекта является обозначение состояния.¹³³ Становление перфекта формой с активным значением, переход его к обозначению действия, повлекшего за собой состояние, относится к более позднему времени, и процесс этот прослеживается уже на текстах.

Все это заставляет думать, что и перфект и медий генетически восходят к одной и той же категории — категории глаголов состояния, некогда противостоявшей в доистории индоевропейского языка глаголам действия. Эта оппозиция является глагольным аналогом к оппозиции активного и инертного класса в области имен. Как в именах активный класс играл ведущую роль при выработке склонения и распространение падежной системы шло от активного класса к инертному, так и в глаголах ведущую роль играло спряжение глаголов действия. Исторические формы медия, например греческие окончания *-μαι*, *-σαι*, *-ται* <и.е. **-ai*, **-soi*, **-toi*, являются перестройкой первичной серии **-a*, **tha*, **-e* под воздействием активных форм. Влияние глаголов действия обнаруживается также и в семантической структуре медия, в той его двойственности, которая позволяет объединить в нем значения со-

---

¹³³ См.: J. W a c k e r n a g e l. Studien zum griechischen Perfektum. Göttingen, 1904; L. R e n o u. La valeur du parfait dans les hymnes védiques. Paris, 1925; P. C h a n t r a i n e. Histoire du parfait grec. Paris, 1927.

стояния и действия в пользу субъекта и приводит к преобладанию личного подлежащего при медиальных глаголах.

Противопоставление глаголов действия и глаголов состояния представляет собой древнейший слой, до которого доходит дальняя реконструкция залоговых оппозиций. Попытки продвинуться дальше вглубь неизбежно становятся более зыбкими. Интересно предположение, что основа перфекта восходит к отглагольным именам.¹³⁴ Те личные окончания, которые были предположены выше как древнейшие для глаголов состояния, согласуются с этим предположением: они известны в функции именных суффиксов; тогда древнейшие формы перфекта являлись бы адаптацией именных форм.

С образованием медиа, возникающего, как мы видели, в сфере переходных глаголов, залоговые потенции перфекта начинают ослабляться. В оппозиции типа *βερχομαι* — *βεβορξα* залоговой разницы уже нет. Когда же внутри перфекта создается противопоставление активных и медиальных форм, как это имело место в греческом и индоиранских языках, сохранивших перфект в качестве особой категории, перфект окончательно становится одним из глагольных видов.

Видовременные системы греческого и древнеиндийского глагола, положенные в основу младограмматической реконструкции, привели к перенесению в праязык весьма развернутой глагольной структуры. Согласно этой реконструкции, от трех основ, имеющих видовой характер, — презентной, аористной и перфектной — образуется ряд наклонений, а внутри изъявительного наклонения — времена. Так, от презентной основы образуется презент и имперфект, от перфектной основы — перфект и плюсквамперфект. Особую основу составляет будущее. Наклонения и времена разворачиваются, таким образом, внутри видовых основ, хотя есть следы образования модальных форм непосредственно от корня не в связи с обычной видовой основой. Прошедшие времена — имперфект,

---

¹³⁴ J. Kuryłowicz. The inflectional categories... стр. 62; ср.: А. В. Десницкая. Каузативные глаголы. Уч. зап. ЛГУ, сер. филолог. наук, т. 5, 1940, стр. 158. — Удвоение в перфектной основе, указывающее на длительность или интенсивность состояния, не принадлежит к древнейшим чертам перфекта.

аорист, плюсквамперфект — отличаются от непрошедших особыми личными окончаниями, например **-mi*, **-si*, **-ti* в единственном числе настоящего времени, **-m*, **-s*, **-t* — в имперфекте. По традиции, окончания настоящего времени именуются первичными, имперфекта — вторичными, хотя современные исследователи обычно считают, что ряд **-mi*, **-si*, **-ti* более поздний и образован уже из **-m*, **-s*, **-t*. Те же окончания мы находим в модальных рядах при несколько особом положении императива. Из противопоставления этих рядов выпадает только настоящее время от перфектной основы, об окончаниях которого речь шла выше. Другим признаком прошедших времен является приращение (аугмент), приставочное **ǵ-*. Разумеется, все времена и наклонения могут быть развернуты по двум залогам.

Некоторые элементы этой сложной системы уже давно вызвали скептическое отношение. Плюсквамперфект представляется слишком сложным образованием для общеиндоевропейского периода и засвидетельствован по существу только двумя языками — греческим и древнеиндийским; латинский плюсквамперфект представляет собой заведомое новообразование. Это время, имеющее разное употребление в греческом и древнеиндийском, могло самостоятельно развиться в каждом из этих языков, и нет надобности проецировать его в общеиндоевропейское языковое состояние. Будущее время выпадает из противопоставления видовых основ и уже морфологически является неким придатком к системе. Оно образуется в разных ветвях по-разному, иногда с элементом **s*, иногда без него, но и в тех случаях, когда имеется элемент *s*, самые образования имеют разные формы в различных ветвях и не сводимы к единой праформе. Будущее как объективная понятийная категория предполагает уже развитое представление о закономерности мира. Пока этого нет, люди говорят о будущем как о сфере своих ожиданий, предположений, пожеланий и т. д., и для его выражения служат модальные категории. Действительно, все виды выражения будущего в древних индоевропейских языках возникают как переосмысление форм наклонений или как производные от них. Это дает основание не относить будущее к общеиндоевропейскому состоянию и считать, что разные формы будущего времени развились самостоятельно на отдельных ареалах или в отдель-

ных ветвях. Ареальное происхождение можно признать также за аугментом *e-*, засвидетельствованным только в индоиранских, армянском и греческом. Префикс этот был сперва факультативным, как свидетельствуют Веды, Авеста и гомеровские поэмы, к которым ныне присоединились и показания микенских надписей. Прочие ветви не имеют ни малейших следов этой категории. Аугмент — важная изоглосса, обосновывающая ареальную близость языков, имеющих аугмент. О позднем развитии залоговых противопоставлений внутри перфекта мы уже говорили.

Младограмматическая реконструкция индоевропейской глагольной системы нуждается, таким образом, в ряде поправок. Однако основные оси, образующие эту систему, видовые ряды — презентный, аористный и перфектный — и противопоставление ряда наклонений, включая конъюнктив и оптатив, не вызывали до недавнего времени сомнений. Положение изменилось с открытием хеттского языка, который не имеет синтетических форм аориста и перфекта, равно как и наклонений, кроме изъявительного и повелительного. Сторонники новой реконструкции индоевропейской глагольной системы предлагают считать хеттскую систему самой простой и древней.

Начнем с общего соображения. Младограмматическая реконструкция ставила в основу праязыковой глагольной системы видовую и модальную дифференциацию, придавая меньшее значение различению времен. Вид оказывался древнее времени. Младограмматики вряд ли связывали это с историей сознания, но, помимо своей воли, они поставили во главу угла конкретное различие действий по условиям их протекания, а не более абстрактную дистрикцию времен. Если принять хеттскую систему за основу, то временные различия древнее видовых и модальных, кроме повеления. Уже одно это вызывает сомнения в правильности новой гипотезы.

По мнению многих современных исследователей, древнейшим слоем презентно-аористной части глагольной системы является форма, образованная непосредственным присоединением вторичных окончаний к презентной или аористической основе и сохранившаяся в Ведах и Авесте в функции так называемого инъюнктива.¹³⁵ По-

¹³⁵ См.: L. Renou. Les formes dites d'injonctif dans le Rgveda. Etrennes de linguistique offertes par quelques amis à

скольку вторичные окончания признаются более древними, чем первичные, форма эта древнее формы презенса, в которой к той же самой основе присоединяются уже более поздние первичные окончания. До создания презенса и дифференциации аориста форма, которую мы застаем как инъюнктив, являлась единственным представителем глаголов действия, которому могла противостоять лишь форма глаголов состояния, реконструированная выше как предшественник перфекта и медиа. Эта первичная форма глаголов действия, «примитив», как ее называет Швицер, предшествует всякой видовойременной и модальной дифференциации. Лишь с того времени, как присоединение **-i* к окончаниям **-m*, **-s*, **-t* и т. д. создает рядом с «примитивом» форму, функционирующую впоследствии как презенс, возникает противопоставление двух серий форм — презентных и инъюнктивных. Для того чтобы истолковать это противопоставление, нужно учесть своеобразную семантику инъюнктива в Ведах и Авесте. Инъюнктив имеет целую серию значений, дифференцируемых только по контексту. Он может играть роль модальной формы, употребляться в запретах и т. д. Вместе с тем он обозначает прошлое и даже настоящее, особенно настоящее как обозначение действия, совершающегося постоянно, без ограничений каким-либо временем. Это бросает свет на первичное значение категории настоящего, находящейся в оппозиции к инъюнктиву. Это — «наличное» настоящее, настоящее *hic et nunc*, и присоединение элемента **-i*, очевидно, маркировало эту наличность действия (ср. очное и заочное наклонение в некоторых неиндоевропейских языках). С появлением презентной формы за инъюнктивом осталась вся область неналичного, в которую входило и постоянное, панхроническое, и прошлое и недействительное, существующее только в воображении и пожелании. Диффузная категория инъюнктива сохранилась только в индоиранских языках как глубокий архаизм, свойственный только Ведам и Авесте и исчезнувший во всех прочих языках, включая хеттский. Инъюнктив уступил место другим образо-

---

E. Benveniste. Paris, 1928, стр. 63—80; J. Kuryłowicz. Injonctif et subjonctif dans les Gathas de l'Avesta. *Ročník Orientalistyczny*, III, 1925/7, стр. 164; J. Gonda. The character of indo-european moods. Wiesbaden, 1956, стр. 33—46. Ср.: E. Schwyzer. *Griechische Grammatik*, Bd. I, стр. 645.

ваниям. Его модальные значения были унаследованы позднейшими наклонениями — конъюнктивом и опативом. Значение постоянного действия отошло к презентной форме, и этим была создана категория настоящего времени в современном значении этого термина. В значении прошлого инъюнктив сменился претеритом — имперфектным или аористным. Претерит обслуживается древней инъюнктивной формой, потерявшей другие значения. Так обстоит дело в хеттском языке, где претерит образуется только от презентной основы. В индоиранских, греческом и армянском для образования претеритальной формы изъявительного наклонения к инъюнктивной форме прибавляется аугмент. Но, как мы уже видели, это прибавление долгое время оставалось факультативным. Гомеровский безаугментный имперфект или аорист есть древняя инъюнктивная форма, сохранившая из всех своих значений только претеритальное. В других ветвях имперфект образуется иными путями, иными способами, и разнообразие их позволяет думать, что все эти способы уже не принадлежат общеиндоевропейскому состоянию. Временная дифференциация настоящего и прошедшего уже не общеиндоевропейская. Пока существуют только презенс и инъюнктив, разница между ними скорее модальная, чем временная. С этой точки зрения, хеттский претерит, находящийся в чисто временной оппозиции к презенсу, представляется типологически более поздним.

Временная дифференциация проходит только в изъявительном наклонении, не затрагивая прочих модальных образований, и древнейшим средством ее осуществления являлось противопоставление первичных и вторичных окончаний. Видовая дифференциация создается использованием разных основ. Аорист надлежит изучать в тех языках, где он образует отдельный вид, противостоящий как презенсу, так и перфекту, т. е. опять-таки в греческом и индоиранских, а среди этих последних — главным образом в древнеиндийском. Аорист простейшего типа, образуемый без особых суффиксов, можно отличить от имперфекта только тем, что имперфект имеет рядом с собой презенс с первичными окончаниями, образованный от той же основы, а аорист такой параллельной формы не имеет. В древнейших текстах часто бывают случаи, когда трудно определить, имеем ли мы дело с имперфект-

ной или аористной формой.¹³⁶ Корневые типы аориста дифференцируются тогда, когда в глаголе появляются основы с разными значениями способа протекания действия. Мы уже видели, что презенс является маркированным по отношению к инъюнктиву; маркирован он также и по отношению к аористу. Для презентной основы характерны многообразные способы образования с помощью аффиксов, по-особому модифицировавших значение основы (*-n(e)-, *-sce/o-, *-ie/o- и т. д.) и разным образом характеризовавших глагольный процесс. С появлением этих основ противостоящая им более простая основа с нулевым или тематическим суффиксом становится аористом. Аорист немаркирован; он обозначает глагольное действие в «чистом» виде, без всяких модификаций. Его древнее значение лучше всего сохранилось в греческом языке, где оно по существу негативно, не обозначает длительности,¹³⁷ и лишь оппозиция к презенсу сообщает ему значение совершенного вида. Создание особых аористных суффиксов (*-ā-, *-s- и др.) относится вероятно, к уже более позднему времени. Самая же дифференциация видов может восходить к очень раннему периоду, еще до образования первичных окончаний. То обстоятельство, что в хеттском языке имеются многие из общеиндоевропейских суффиксов презентной основы и им не противостоит выделившаяся в доистории греческого и индоиранского более простая аористная основа, является одним из показателей той глубокой перестройки, которую мы отмечали (стр. 87) в хеттском глагольном словообразовании. Не только с точки зрения большей абстрактности своей глагольной системы, как было сказано выше, но и со стороны способов глагольной деривации хеттский язык не может считаться сохранившим более древнее глагольное состояние, чем то, которое может быть восстановлено на основании греческого и индоиранских. При этом, как указывает Курилович,¹³⁸ гре-

¹³⁶ Т. Я. Елизаренкова. Аорист в «Ригведе». . . ; J. Narten. D. sigmatischen Aoriste im Veda. Wiesbaden, 1964.

¹³⁷ С. И. Соболевский. Синтаксическое деление времён греческого глагола. Филологическое обозрение, т. I, 1891, стр. 52—53.

¹³⁸ J. Kurjłowicz. The inflectional categories. . . , стр. 123.

ческая глагольная система лучше сохранила индоевропейскую видовую дифференциацию, чем ведийская.

В дальнейшей истории индоевропейских языков видовая система редуцируется, хотя иногда и наблюдаются случаи ее оживления, как например в славянских языках. В очень многих ветвях перфект и аорист образовали единую систему; другие пошли еще дальше, слив этот новый претерит с имперфектом. Ослабление видовых значений очень рано приводит к росту грамматических значений относительного времени. Противопоставление незавершенного и завершенного перемещается из абсолютного плана в контекстный. Незавершенность и завершенность начинают соотноситься с другим глагольным действием и сменяются категориями одновременности и предшествования.¹³⁹ Во многих языках, утерявших аорист как самостоятельную категорию, сохранились формальные следы аористных образований, особенно суффикса *-s. Но даже там, где таких следов нет или они являются спорными, предположение о том, что аориста никогда не было, представляется весьма сомнительным.¹⁴⁰

В подробности относительно отдельных типов аористных образований мы входить не будем.

В отношении модальной системы все ветви индоевропейской семьи различают по крайней мере два наклонения — изъявительное и повелительное. Однако наряду с этим всюду имеются наклонения недействительности, хотя бы выраженные только аналитическим способом с помощью модальных частиц. Древнеиндийский и греческий языки располагают двумя наклонениями недействительности — конъюнктивом и оптативом (в древнейшем индийском к ним надо присоединить инъюнктив).¹⁴¹ Эти же два наклонения мы находим также в тохарском. В дальнейшей истории и греческого, и древнеиндийского

---

¹³⁹ Там же, стр. 90 и сл. — Для латинского языка см.: И. М. Тронский. Заметки о видо-временной системе латинского глагола. Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.—Л., 1960, стр. 434—445.

¹⁴⁰ Ср.: J. K u g u ł o w i c z. The inflectional categories. . . , стр. 122, прим. 12. — «Хеттский язык с его потерей различения имперфект—аорист—перфект и созданием описательного перфекта (с *harzi*) представляет уже гораздо более новый этап» (чем ведийский и греческий).

¹⁴¹ Не рассматриваем здесь прекатива; это новообразование индоиранской ветви.

два наклонения сливаются в одно, которое ради терминологического различения с системой двух наклонений мы будем называть субъюнктивом. В санскрите это единое наклонение сохранило оптативные формы, в греческом — конъюнктивные. В большинстве ветвей мы находим со времени древнейших письменных памятников один лишь субъюнктив. В некоторых случаях язык сохраняет явственные следы былого многообразия наклонений. Латинский, например, адаптировал старые конъюнктивные формы для будущего времени, а в субъюнктиве сохранил либо оптативные формы (*siet*), либо инъюнктивные формы аориста с основой на *-ā-*. Более или менее явственные следы оптатива, реже конъюнктива, остались в системе форм почти всех ветвей. Так, славянские формы повелительного наклонения продолжают индоевропейский оптатив, а не императив.

В вопросе о наклонениях до знакомства с хеттским языком никто не подвергал сомнению первичность грекоиндийской системы. В хеттском языке не оказалось явных следов синтетических модальных форм.¹⁴² Представление об особой архаичности хеттского языка породило и здесь тенденцию признавать хеттское состояние древнейшим. Старая реконструкция приводила к выводу о том, что модальные дифференциации предшествуют временным: на это указывало образование будущего времени из модальных форм, соотношение временного и модального моментов в инъюнктиве. Сторонники предпочтения хеттской системы считали необходимым выдвинуть обратное предположение о происхождении категории модальности из категории времени.¹⁴³ Встал вопрос, не является ли дифференциация конъюнктива и оптатива ареальным новообразованием. Особенно беспокоил вопрос о конъюнктиве, следы которого во многих ветвях мало заметны.

Однако с точки зрения развития грамматической абстракции, создающей все более отвлеченные и обобщенные значения грамматических форм, система двух накло-

---

¹⁴² Э. Бенвенист, однако, пытается установить в хеттской форме повелительного наклонения на *-llu* рудимент оптативного образования (E. Benveniste. Hittite et indoeuropéen, стр. 18—20).

¹⁴³ E. A. Hahn. Subjunctive and Optative. Their origin as futures. New York, 1953.

нений — конъюнктива и опатива — представляется более ранней, чем обобщенный субъюнктив.

Б. Дельбрюк в свое время подробно изучил значения конъюнктива и опатива в тех двух известных в XIX в. языках, где эти наклонения противопоставлялись друг другу, — в древнейшем индийском (ведическом) и греческом.¹⁴⁴ В качестве древнейших значений конъюнктива были установлены ожидаемое действие и действие, к которому побуждают; опатив противопоставляет этим значениям другую пару — действие возможное и желательное. Семантика обоих наклонений разворачивается, стало быть, как в области познавательного отношения к осуществимости предизируемого действия, так и в аспекте отношения к действительности как к предмету человеческого воления. Модный уклон второй половины прошлого века в сторону волюнтаристической психологии побудил Дельбрюка признать в семантической структуре обоих наклонений приоритет волевого момента. Конъюнктив был для него наклонением «воления», опатив — «желания». Эта дифференциация по «душевым функциям» неприемлема для столь древней категории. Диффузность познавательного и действенно-волевого момента — исконная черта обоих наклонений, перешедшая к ним от их предшественника, инъюнктива. Различение душевных функций наступит позже. В греческом языке они будут отделены друг от друга с помощью модальной частицы (*α* или *ε*, смотря по диалекту), присоединяемой для выражения познавательных значений. На базе конъюнктива ожидательное наклонение, проспектив, отделится от побудительно-запретительного; при опативной форме модальная частица создаст предположительное наклонение, потенциал, в отличие от желательного.

Я. Гонда¹⁴⁵ критикует волюнтаристическую концепцию Дельбрюка, но его собственные попытки определить основные значения конъюнктива и опатива столь же психологичны и страдают столь же модернизирующим уклоном.

Думается, что конъюнктив и опатив противостоят друг другу по семантике близкого и далекого, различной

---

¹⁴⁴ В. Delbrück. D. Gebrauch d. Coniunctivs u. Optativs im Sanskrit u. Griechischen. Halle, 1871.

¹⁴⁵ J. Gonda. The character of the indo-european moods. . .

близости действия к реализации. Близость к осуществлению выражается конъюнктивом: ожидание, побуждение (соответственно — запрет); отдаленность — оптативом: предположение, пожелание. Конъюнктив всецело обращен к будущему, оптатив — главным образом. Оба наклонения, взятые в совокупности, не исчерпывают категории недействительного. Заведомая недействительность, ирреал, не может быть выражена ни тем, ни другим наклонением; в греческом языке ирреал образуется с помощью присоединения модальной частицы к формам претерита, имперфекту или аористу, и возможно, что это употребление унаследовано от предшественника претерита — инъюнктива.

Создание единого наклонения недействительности, субъюнктива, не является поэтому простым суммированием двух прежних наклонений; это — более высокая степень абстракции, охватывающая значения, которые не были свойственны ни конъюнктиву, ни оптативу. Эти раздельные наклонения конкретных нерсальностей предшествуют единому наклонению отвлеченной нерсальности. Таким образом, также и здесь, равно как и в вопросе о соотношении видов и времен, младограмматическая реконструкция находится в большем согласии с развитием мышления, чем гипотеза, предлагаемая ей на смену. Опора на греческий и древнеиндийский снова оправдала себя.

Другой вопрос — о формах конъюнктива. Они создаются на базе инъюнктива. Конъюнктив атематических глаголов на *-e/o-* представляет собой тематизованный инъюнктив, а затем суффикс *-e/o-* уже как примета конъюнктива распространяется на тематические глаголы. Форма на *-ā-*, свойственная итало-кельтским языкам и тохарскому, восходит к инъюнктиву аориста на *-ā*.¹⁴⁶ Формы эти иногда сосуществуют в пределах одного языка (таков, например, латинский), но могут распределяться по

¹⁴⁶ Ю. Курилович (J. Kuryłowicz. The inflectional categories. . ., стр. 143), Н. С. Трубецкой (N. Trubetzkoy. Gedanken über d. lateinischen *a*-Konjunktiv. Festschrift P. Kretschmer, 1926, стр. 267—274) и Э. Бенвенист (E. Benveniste. Präterit et optatif en indo-européen. BSL, t. 47, 1951, стр. 11—20) рассматривали форму на *-a* как оптативную, и с этим соглашается Ю. Курилович, однако см. возражения в ст.: G. S. Lane. Tocharian evidence and the Trubetzkoy—Benveniste hypothesis. Language, v. 38, 1962, стр. 245—253.

разным ареалам. Единого общеиндоевропейского образования, вероятно, не было, и конъюнктив мог в некоторых ветвях обслуживаться инъюнктивными формами и после создания опатива, как противостоящее ему склонение. Происхождение опативных образований неясно. Они были более характерны, чем конъюнктивные и, во всяком случае, чем инъюнктивные. При образовании единого субъюнктива они оказывались поэтому более жизнеспособными.

Таким образом, в отношении глагола, как и в отношении имени, подтвердилась та теория «утрат», которую младogramматики экстраполировали от раннего исторического периода на поздний доисторический. «Утрата» во многих случаях является результатом обобщения и представляет собой прогрессивное явление.

Теоретически вполне допустимо предположение, что носители той или иной ветви при переходе на индоевропейскую речь с какого-то другого языка не усвоили индоевропейской системы полностью, и тех или иных категорий в языках этой ветви никогда не было. Однако так обстоит дело только с точки зрения истории этих отдельных ветвей. С общеиндоевропейской точки зрения здесь утрата, своего рода конститутивная утрата, определившая дальнейшую историю ветви.

Другое дело, если можно доказать, что какая-нибудь ветвь отделилась от общеиндоевропейского массива до того, как на всем его ареале произошли те или иные изменения. Это имело место с хеттским языком в отношении ларингала. Утверждение, что «простые» глагольные системы в хеттском языке или каком ином представляют более ранний этап развития, чем «сложные» системы других языков, недоказуемо и очень мало вероятно по существу.

СОКРАЩЕНИЯ

авест.	—	авестийский
алб.	—	албанский
арм.	—	армянский
беот.	—	беотийский
гот.	—	готский
греч.	—	греческий
д.-в.-н.	—	древневерхне немецкий
д.-и.	—	древнеиранский
и.-ирл.	—	древнеирландский
доиндоевр.	—	доиндоевропейский
д.-прус.	—	древнепрусский
европ.	—	европейский
и.-е.	—	индоевропейский
и.-и.	—	индоиранский
ир.	—	иранский
кельт.	—	кельтский
лат.	—	латинский
лит.	—	литовский
руск.	—	русский
ст.-сл.	—	старославянский
тох.	—	тохарский
хет.	—	хеттский

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Введение	3
I. Реконструкция звукового строя	8
Ларингальная теория	8
К вопросу об общеиндоевропейском фонемном инвентаре	24
Гуттуральные	24
Глухие аспираты	36
Гласные	41
II. Реконструкция категорий именной и глагольной флексии	
Категории именной флексии	48
К вопросу о категориях индоевропейской глагольной флексии	82
Сокращения	102

Иосиф Моисеевич Тронский

ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОСТОЯНИЕ

*Утверждено к печати
Научным советом
по теории советского языкознания
при отделении литературы и языка АН СССР*

Редактор издательства *К. Н. Феноменов*
Художник *С. Н. Тарасов*
Технический редактор *А. П. Чистякова*
Корректор *Н. З. Петрова*

Сдано в набор 6/IV 1967 г. Подписано к печати 12/VIII 1967 г.
РИСО АН СССР № 4—132В. Формат бумаги 84×108^{1/32}.
Бум. л. 1^{1/8}. Печ. л. 3^{1/4}=5.46 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 5.61.
Изд. № 3283. Тип. зак. № 243. М-26820. Тираж 2200.
Бумага типографская № 2. Цена 34 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лип., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34,
9 линия, д. 12